

АБИР МУКЕРДЖИ НЕИЗБЕЖНОЕ ЗЛО

ПРЕМИЯ УИЛБУРА СМИТА
ЗА ЛУЧШИЙ ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ РОМАН

Уиндем и Несокрушим

Абир Мукерджи
Неизбежное зло

«Фантом Пресс»

2017

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

Мукерджи А.

Неизбежное зло / А. Мукерджи — «Фантом Пресс»,
2017 — (Уиндем и Несокрушим)

ISBN 978-5-86471-913-8

Второй роман из детективного цикла про капитана Уиндема и сержанта Несокрушима, расследующих преступления в Калькутте начала XX века. индия, 1920 год. Капитану Сэму Уиндему и сержанту банерджи по прозвищу Несокрушим предстоит расследовать убийство сына махараджи. Сэм Уиндем наносит официальный визит в королевство Самбалпур, где находятся алмазные рудники и прекрасный Дворец Солнца. Когда убивают старшего сына и наследника махараджи, Уиндем понимает, что крошечное королевство раздирают конфликты. Убитый принц Адир был непопулярен среди религиозных групп, в то время как его брат – теперь первый в очереди на трон – кажется ни на что не способным легкомысленным щеголем. Пытаясь разгадать тайну смерти принца, Уиндем и сержант Несокрушим оказываются в настоящей паутине, опутавшей владения махараджи. жены махараджи, его наложницы, евнухи, их охраняющие, министры, британские чиновники – где-то среди них скрывается убийца, и сыщики должны найти его прежде, чем он откроет охоту на них самих.

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)

ISBN 978-5-86471-913-8

© Мукерджи А., 2017

© Фантом Пресс, 2017

Содержание

Один	7
Два	14
Три	16
Четыре	25
Пять	29
Шесть	31
Семь	37
Восемь	42
Девять	46
Десять	49
Одиннадцать	55
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Абир Мукерджи

Неизбежное зло

Светлой памяти моего тестя, Манхарлала Девджибхая Мистри
Бапу

Соул за все

Нельзя сделать омет, не расшибив голову

Abir Mukherjee
A Necessary Evil

Copyright © Abir Mukherjee 2017
First published as A Rising Man by Harvill Secker, an imprint of Vintage.
Vintage is part of the Penguin Random House group of companies.

© Мария Александрова, перевод, 2022
© «Фантом Пресс», издание, 2022

Один

Пятница 18 июня 1920

Нечасто встретишь мужчину с бриллиантом в бороде. Но когда у раджи заканчивается свободное место на ушах, пальцах и одежде, то, пожалуй, растительность на подбородке тоже стодится. Ровно в полдень отворились массивные двери красного дерева и из Правительственного дворца выплыли они – целый зоопарк махараджей, низамов, набобов и прочих; все двадцать обряжены в шелк, а золота, драгоценных камней и жемчуга, навешанного на них, хватит на батальон вдовствующих графинь. Один или двое утверждают, что ведут свое происхождение от Солнца и Луны, прочие – от какого-нибудь из сотни индуистских божеств. Мы же, особо не различая, просто назвали всех скопом «князьями».

Эти двадцать – из ближайших к Калькутте княжеств. А по всей Индии их больше пяти сотен, и все вместе они правят двумя пятыми этой страны. Ну по крайней мере, так они сами утверждают, а мы только рады поддерживать этот миф, пока они расппевают «Правь, Британия» и присягают на верность заморскому Королю-Императору¹.

Они шествовали под раскаленным солнцем, подобно богам, в порядке строгой очередности, во главе с вице-королем, направляясь к спасительной тени под дюжиной шелковых зонтов. Здесь, позади плотной красной шеренги вице-королевских телохранителей в тюрбанах, толпились королевские советники, чиновники и лизоблюды всех мастей. А уже за ними стояли Несокрушим и я.

Неожиданный пушечный залп – салют из орудий, стоящих на лужайке, – согнал с окрестных пальм стаю галдящих ворон. Я считал залпы: всего тридцать один – честь, положенная исключительно вице-королю, никакой туземный царек никогда не удостоивался больше двадцати одного. Этим подчеркивалось то, что поименованный выше британский чиновник в Индии занимает более высокое положение, чем любой местный, пусть даже ведущий свой род от самого Солнца.

Как и салют, совещание, на котором присутствовали князья, было лишь частью представления. Настоящей работой займутся позже их министры и чиновники Индийской гражданской службы. Для правительства Раджа важно было, что князья собрались *здесь*, на лужайке, для общей фотографии.

Вице-король, лорд Челмсфорд, еле волочил ноги под грузом церемониальных одежд. Он всегда чувствовал себя в них неловко, казался себе каким-то привратником в «Клариджес». Для человека, в обычной жизни походившего на истощенного гробовщика, он выглядел вполне презентабельно, но рядом с князьями смотрелся блекло, как голубь среди павлинов.

– Который из них наш?

– Вон тот, – Несокрушим кивнул в сторону высокого красавца в розовом шелковом тюрбане. Принц, ради которого мы сюда явились, стоял в третьем ряду и был первым в очереди на престол княжества, затерявшегося в дебрях Ориссы² к юго-западу от Бенгалии. Его Светлейшее Высочество наследный принц Адир Сингх Сай из Самбалпура пожелал нашего присутствия – точнее, присутствия Несокрушима. Они вместе учились в Хэрроу³. А я здесь просто потому, что мне приказано явиться. Приказ исходил непосредственно от лорда Таггерта, комиссара полиции, утверждавшего, что это распоряжение самого вице-короля. «Переговоры имеют чрезвычайную важность для правительства Британской Индии, – подчеркнул он. – И соглашение с Самбалпуром критически важно для их успеха».

¹ Титул английских монархов в Британской Индии. – *Здесь и далее примеч. перев.*

² Историческая местность и провинция в Индии (ныне штат Одиша) с центром в Самбалпуре.

³ Британская частная школа для мальчиков.

Трудно поверить, что Самбалпур критически важен для чего бы то ни было. Даже для того, чтобы отыскать его на карте – под буквой «Р» в слове «Орисса», – требовалось увеличительное стекло и запас терпения, которого мне сейчас явно не доставало. Местечко было крошечным, размером с остров Уайт и примерно с таким же населением. И все же вот он я, готов подслушивать беседу наследного принца и Несокрушима, потому что правительство Индии полагает это делом государственной важности.

Князья заняли свои места вокруг вице-короля для официальной фотографии. Самые важные расселись в золоченых креслах, менее значительные встали позади них на скамеечку. Принца Адир усадили по правую руку от вице-короля. Пока расставляли мебель, князья вели вымученную дежурную беседу. Некоторые попытались улизнуть, но были возвращены на место задерганными гражданскими служащими. Но вот фотограф попросил внимания. Князья дисциплинированно оборвали болтовню и обратили лица в его сторону. С шипением сверкнули вспышки, увековечивая сцену для потомков, и наконец всех отпустили на волю.

Искра узнавания мелькнула в глазах наследного принца Адир, едва он заметил Несокрушима. Принц уклонился от беседы с шарообразным махараджей с тигровой шкурой на плече, увешанным содержимым солидного банковского сейфа, и выскользнул из толпы. Адир с его комплекцией кавалерийского офицера и игрока в поло был высок и светлокож для индийца. По меркам окружавших его вельмож, одет он был довольно просто: голубая шелковая туника, отделанная бриллиантовыми пуговицами и перехваченная в талии золотым кушаком, белые шелковые шаровары и черные, начищенные до блеска туфли-«оксфорды». Тюрбан скрепляла брошь, усыпанная изумрудами, с сапфиром размером с гусиное яйцо.

Если верить лорду Таггерту, отец принца Адир, махараджа, был пятым богатейшим человеком в Индии. А всем известно, что самый богатый человек в Индии – одновременно самый богатый человек в мире.

Принц подошел ближе, и лицо его расцвело в улыбке.

– Банти Банерджи! – воскликнул он, раскрывая объятия. – Сколько лет, сколько зим!

«Банти»?⁴ Ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь так называл Несокрушима, а я уже целый год делю с ним кров. Сержант явно скрывал этот оперативный псевдоним, и я не винил его. Если бы меня в школе окрестили Банти, я тоже вряд ли стал бы распространяться об этом. Несокрушим – разумеется, тоже не настоящее имя. Этим прозвищем его наградили коллеги, когда он поступил на службу в Имперскую полицию. Родители называли его Сурендранатх, «царь богов», и хотя я честно пытался воспроизвести бенгальское произношение, мне ни разу не удалось правильно это произнести. Он говорит, что я не виноват. Говорит, в английском языке просто нет для этого нужных звуков – например, недостает мягкого «д». По его словам, английскому языку вообще чертовски многого недостает.

– Какая честь встретиться с вами снова, Ваше Высочество, – сдержанно кивнул Несокрушим.

Принц огорченно скривился, как часто поступают аристократы, делая вид, будто хотят, чтобы к ним обращались как к обычным парням.

– Да полно тебе, Банти, думаю, мы можем оставить эти церемонии. А это кто? – спросил он, протягивая мне усыпанную самоцветами руку.

– Позвольте представить капитана Уиндема, – сказал Банерджи, – бывшего сотрудника Скотланд-Ярда.

– Уиндем? – повторил принц. – Парень, который поймал террориста Сена в прошлом году? Вы, должно быть, любимый полицейский вице-короля.

Сен был индийским революционером, скрывавшимся от властей в течение четырех лет. Я арестовал его за убийство британского чиновника и был объявлен ни много ни мало героем

⁴ Здесь: малыш, крошка.

Раджа⁵. По правде говоря, все обстояло гораздо сложнее, но у меня не было ни времени, ни желания пускаться в объяснения. Более того, у меня не было на это разрешения вице-короля, который заявил, что вся эта история подпадает под действие Закона о государственной тайне от 1911 года. Поэтому я просто улыбнулся и пожал принцу руку:

– Рад познакомиться, Ваше Высочество.

– Прошу вас, – по-дружески попросил он, – зовите меня Ади. Все друзья зовут меня так. – И, задумавшись на мгновение, продолжил: – Вообще-то я рад, что вы здесь. Есть одно деликатное дело, которое я хотел обсудить с Банти, и мнение человека с вашим опытом может быть исключительно ценным. Откровенно говоря, именно такой человек и нужен. – Он про-
сился. – Вас, должно быть, послало мне само Провидение.

Я мог бы сказать ему, что послал меня вице-король, а вовсе не бог, но в Британской Индии это примерно одно и то же. Если принц хочет со мной поговорить, это, по крайней мере, избавит меня от необходимости подслушивать под дверью, как индийская мамаша в брачную ночь драгоценного сыночка.

– Буду счастлив служить вам, Ваше Высочество.

Щелчком пальцев он подозвал мужчину, стоявшего неподалеку. Лысый нервный очкарик – библиотекарь, заблудившийся в бандитском районе на окраине города, – но изысканно одетый, хотя ему, конечно, не хватало горделивой напыщенности принца, не говоря уж о драгоценностях.

– Увы, здесь не самое удобное место для спокойной беседы, – сказал принц. – Может, вы с Банти согласитесь проводить меня в «Гранд», где обстановка более располагающая.

Прозвучало вовсе не как вопрос. Полагаю, многие из приказов принц облакал примерно в такую же форму. Лысый человек склонился в глубоком поклоне.

– Ах да, – лениво проговорил принц. – Капитан Уиндем, Банти, познакомьтесь – Хариш Чандра Даве, *диван* Самбалпура.

Диван – это вроде премьер-министра, индийцы произносят это слово именно так, как предмет мебели.

– Ваше Высочество, – пролепетал Даве с подобострастной улыбочкой. Он весь взмок – как и все мы, за исключением, пожалуй, принца. Бросив быстрый взгляд на нас с Банерджи, Даве полез в карман, выудил оттуда красный хлопковый носовой платок и принялся промокать поблескивающий лоб. – Если позволите несколько слов наедине, я...

– Если речь о моем решении, Даве, – раздраженно бросил принц, – боюсь, оно окончательно.

Диван растерянно помотал головой:

– С вашего позволения, Ваше Высочество, я очень сомневаюсь, что оно соответствует намерениям Его Величества вашего отца.

Принц вздохнул.

– А я совершенно не сомневаюсь, что мой отец гроша ломаного не дал бы за это представление. Более того, моего отца здесь нет. Если только он или вице-король не сочтут целесообразным возвысить вас до статуса *ювраджа*⁶, предлагаю вам пока вернуться к работе и продолжать исполнять мои повеления.

Даве еще разок промокнул брови, низко поклонился и попятился, как побитый пес.

– Чертов бюрократ, – пробормотал принц и повернулся к Несокрушиму: – Он гуджаратец, понимаешь, Банти, и потому считает себя умнее остальных⁷.

⁵ Радж, Британский Радж (*British Raj*) – одно из названий Британской Индии.

⁶ Титул наследного принца, обычно старшего сына раджи или махараджи.

⁷ Представители народа гуджарати считаются в Индии предприимчивыми, обладающими природной коммерческой жилкой.

– Проблема в том, Ади, – заметил сержант, – что зачастую так оно и есть.

Принц одарил его кривой улыбкой:

– Ну, что касается данных переговоров, надеюсь, хотя бы ради самого себя он последует моим распоряжениям.

Из тех крупиц, что мне удалось выудить из лорда Таггерта, переговоры касались учреждения некоего органа под названием Палата князей. Может, оно и звучало как название оперы Гилберта и Салливана⁸, но Палата князей была новейшей блестящей идеей правительства Его Величества, призванной унять растущее недовольство коренного населения и его притязания на самоуправление. Новую структуру объявили Индийской палатой лордов – якобы влиятельным голосом самой Индии по индийским вопросам. Участвовать в ее работе пригласили всех индийских правителей. Мне виделась в этом несколько извращенная логика. Если отыщется в Индии группа людей, более оторванных от общего настроения народа, чем мы, то это те самые пять сотен никчемных жирных принцев. Более того, если есть здесь представители коренного населения, выступающие на нашей стороне, так это именно они.

– Могу я поинтересоваться вашей позицией? – спросил я.

– Чистой воды очковтирательство, – холодно усмехнулся принц. – Абсолютная чушь и вздор. Сплошная говорильня. И народ скоро раскусит их.

– Полагаете, ничего из этого не выйдет?

– Напротив, – улыбнулся он. – Полагаю, все пройдет как по маслу, к следующему году Палата будет сформирована и вовсю заработает. Разумеется, крупные игроки – Хайдарабад, Гвалияр и им подобные – не присоединятся. Это поставило бы под сомнение миф о них как о настоящих государствах, и будь я проклят, если Самбалпур подпишет это соглашение. Но прочие, всякая мелочь – Куч-Бихар, мелкие раджпуты⁹ и северные княжества, – практически умоляют, чтобы их включили в Палату. Все что угодно, лишь бы поднять свой статус. Вот в чем вам, британцам, не отказать, – продолжал он. – Вы точно знаете, как сыграть на нашем тщеславии. Мы уступили вам эту землю в обмен на что? На громкие слова, пафосные титулы и объедки с вашего стола, за которые мы грыземся, как лысые за расческу.

– А остальные восточные княжества? – поинтересовался Несокрушим. – Насколько я понимаю, они признают главенство и мнение Самбалпура по большинству вопросов.

– Это верно. И вполне вероятно, что и на этот раз они последуют за нами, но только потому, что мы финансируем их. Будь у них выбор, думаю, они тоже склонились бы к этой затее.

В дальнем конце сада заиграл военный оркестр, и когда знакомые звуки «Боже, храни Короля» понеслись над лужайкой, князья и свита встали, повернувшись к оркестру. Многие даже подпевали, но не принц, который впервые выглядел несколько менее благостным, чем предполагал его титул.

– Пора трубить отступление, – сказал он. – Вице-король, судя по всему, готовится произнести одну из своих знаменитых торжественных речей, а я вот совершенно не собираюсь тратить такой прекрасный день, выслушивая его... Или вы предпочитаете остаться?

У меня не было возражений. Вице-король обладал харизмой мокрой тряпки. В этом году я уже имел удовольствие пережить одну из его речей на выпускном параде свежеиспеченных офицеров и определенно не горел желанием повторить этот опыт.

– Тогда решено, – заключил принц. – Дожидаемся конца песни и мчимся на волю.

Затихли финальные ноты гимна, гости вернулись к разговорам, а вице-король направился к трибуне, установленной на траве.

⁸ Уильям Гилберт (1836–1911) и Артур Салливан (1842–1900) – авторы комических опер Викторианской эпохи.

⁹ Раджпуты («сыновья раджи») – группы варны кшатриев, живущих в основном на границе Индии и Пакистана. Здесь имеются в виду раджи, управляющие небольшими родами раджпутов.

– Пора, – воскликнул принц. – Бежим, пока есть возможность.

Он развернулся и двинулся по аллее обратно к зданию, плечом к плечу с Несокрушимом, а я прикрывал тылы. Несколько гражданских в ужасе посмотрели в нашу сторону, когда вице-король произнес первые фразы, но принц обратил на них ровно столько же внимания, сколько слон из поговорки – на шакалов¹⁰.

Он, похоже, отлично ориентировался в лабиринте Правительственного дворца, и, последовательно миновав несколько отрядов лакеев в тюрбанах, открывавших тяжелые двери, мы покинули резиденцию – на этот раз вниз по главной лестнице, устланной красным ковром.

Наше поспешное бегство, кажется, застало свиту принца врасплох. Возникла небольшая суматоха, когда здоровенный мужик в алой тунике и черных шароварах рывкал на прислугу, отдавая команды. Судя по его наряду, манерам и децибелам, извергавшимся из гортани, парня легко можно было принять за полковника шотландских гвардейцев. Если бы не его тюрбан, конечно.

– А, вот ты где, Шикар, – воскликнул принц.

– Ваше Высочество, – отсалютовал мужчина.

– Это полковник Шикар Арора, – обернулся к нам принц. – Мой адъютант.

Полковник был неприступен, как северная стена Канченджанги¹¹, и выражение лица у него было не менее ледяное. Бронзовая обветренная кожа и поразительные серо-зеленые глаза. Все вместе указывало на человека гор – по крайней мере, с долей афганской крови в жилах. Но самым потрясающим во внешности была растительность на лице, которую он декорировал в стиле древних индийских воинов: борода коротко подстрижена, а напояженные кончики коротких усов круто закручены вверх.

– Автомобиль вызван, Ваше Высочество, – отрывисто доложил полковник. – Он вот-вот будет здесь.

– Отлично, – кивнул принц. – Меня мучит дьявольская жажда. Чем скорее мы доберемся до «Гранда», тем лучше.

Подрулил серебристый «роллс-ройс» с открытым верхом, лакей в ливрее бросился вперед и распахнул дверцу. Последовало краткое замешательство. Нас было пятеро, включая шофера, – на одного больше, чем нужно. В нормальных обстоятельствах трое запросто поместились бы на заднем сиденье, а еще двое – впереди, но принц был не из тех, кто привык приспособливаться к обстоятельствам. И как-никак это была не того класса машина, чтобы втискиваться в нее столь неподобающим образом. Принц сам предложил решение.

– Шикар, почему бы тебе не сесть за руль? – Еще один приказ, облеченный в форму вопроса.

Громила-адъютант щелкнул каблуками и двинулся к шоферскому месту.

– Ты можешь сесть сзади со мной, Банти, – распорядился принц, устраиваясь на красном кожаном сиденье. – А капитан сядет рядом с Шикаром.

Мы с Несокрушимом подчинились, и автомобиль тут же рванул с места по длинной гравийной дорожке между рядами пальм и вылизанных газонов.

* * *

«Гранд-отель» располагался в нескольких минутах езды от Восточных ворот резиденции, но из соображений безопасности открыты были только Северные ворота. Автомобиль пролетел

¹⁰ Индийский аналог поговорки про лающих собак и караван.

¹¹ Канченджанга («Пять сокровищ великих снегов») – горный массив в Гималаях. Состоит из пяти вершин, главная из них является третьей по высоте вершиной в мире (8586 м).

через них и почти сразу остановился: дорога на восток была перекрыта. Адъютант развернулся и покатил к Правительственному дворцу, а оттуда на Западную эспланаду.

Я вертелся на своем сиденье, чтобы лучше видеть Банерджи и принца. Не привык я сидеть впереди. Принц словно прочел мои мысли.

– Иерархия – страшно неудобная штука, да, капитан? – улыбнулся он.

– В каком смысле, Ваше Высочество?

– Возьмите, к примеру, нас троих, – продолжал он. – Принц, полицейский инспектор и сержант. На первый взгляд очередность занятия мест очевидна. Но жизнь редко бывает столь проста. – Он показал на ворота Бенгальского клуба, мимо которых мы как раз проезжали: – Я, может, и принц, но цвет моей кожи делает для меня невозможным вступление в данный благородный институт, то же касается и Банти. Для вас, англичанина, подобной проблемы не существует. В Калькутте для вас открыты все двери. И вот уже иерархия внезапно меняется, верно?

– Да, понимаю вас, – согласился я.

– Но и это еще не конец истории, – продолжал он. – Наш друг Банти – брамин. И как член жреческой касты он имеет более высокий статус, чем даже принц, не говоря уже, боюсь, о внекастовом английском полицейском, – усмехнулся принц. – И вновь возникает иной иерархический порядок, и кто скажет, какой из трех наиболее обоснован?

– Принц, священник и полицейский едут мимо Бенгальского клуба в «роллс-ройсе»... – пробормотал я. – Звучит как начало не слишком смешного анекдота.

– Напротив, – возразил принц. – Если подумать, на самом деле это очень смешно.

Я сосредоточился на дороге. Мы направлялись в сторону, противоположную той, где находился «Гранд-отель». Я не представлял, насколько хорошо адъютант знаком с географией Калькутты, но пока создавалось впечатление, что примерно так же, как я – с бульварами Тим-букту.

– Вы знаете, куда едете? – поинтересовался я.

Адъютант метнул в меня взгляд, который запросто мог заморозить Ганг.

– Да, – процедил он. – К сожалению, дороги в сторону Чоуринги¹² перекрыты из-за религиозной процессии. Поэтому нам пришлось выбрать альтернативный маршрут через Майдан¹³.

Выбор казался странным, но, впрочем, день был прекрасен, и существовало немало способов провести его гораздо хуже, чем колесить по парку в открытом «роллс-ройсе». На заднем сиденье Несокрушим беседовал с принцем.

– Итак, Ади, о чем ты хотел поговорить?

Я обернулся как раз вовремя, чтобы заметить, как помрачнел принц.

– Я получил несколько писем, – начал он, поигрывая бриллиантовой пуговицей на воротнике. – Возможно, это ерунда, но когда я услышал от твоего брата, что ты теперь сержант сыскной полиции, подумал, что стоит спросить твоего совета.

– Что за письма?

– Честно говоря, их и письмами всерьез не назовешь. Скорее просто записки.

– Когда вы их получили? – спросил я.

– На прошлой неделе, еще в Самбалпуре. За несколько дней до отъезда в Калькутту.

– Они при вас?

– В моем номере, – ответил принц. – Скоро вы их увидите. Однако почему мы до сих пор не на месте? – Он раздраженно обратился к адъютанту: – Что происходит, Шикар?

– Объезд, Ваше Высочество, – отозвался адъютант.

– Эти письма, – продолжил я. – Вы их показывали кому-нибудь?

¹² Центральный район и одна из главных улиц Калькутты.

¹³ Крупнейший парк Калькутты.

Принц кивнул в сторону Ароры:

– Только Шикару.

– А каким образом вы их получили? Мне кажется, нельзя просто так взять и отправить письмо наследному принцу Самбалпура по адресу «Королевский дворец»?

– Да, кстати, это забавно, – ответил принц. – Оба письма обнаружались в моей комнате, первое – под подушками на кровати, второе – в кармане пиджака. И оба об одном и том же...

Автомобиль замедлил ход перед крутым поворотом налево к Чоуринги. Откуда ни возьмись на дорогу перед нами выскочил человек в шафрановых одеждах индуистского священнослужителя. Размытое оранжевое пятно. Автомобиль резко дернулся, затормозив, а человек исчез где-то под передним мостом машины.

– Мы его сбили? – встревожился принц, приподнимаясь с заднего сиденья.

Адъютант выругался, рывком открыл дверь и выскочил наружу. Обежал автомобиль, и я увидел, как он опустился на колени над распростертым пострадавшим. Внезапно раздался глухой удар, болезненный звук плотного соприкосновения с человеческой плотью, и адъютант рухнул на землю.

– Бог мой! – воскликнул принц. Сверху ему лучше было видно место действия. Я рванул дверь, но, прежде чем успел двинуться с места, человек в шафрановых одеждах уже был на ногах. Сквозь грязные, спутанные, спадавшие на лицо космы волос дико сверкали глаза, неряшливая борода растрепана, а на лбу странные вертикальные полосы, как будто намазанные пеплом. В руке его что-то блеснуло, и внутри у меня все похолодело.

– Ложись! – дергая застежку кобуры, заорал я, но принц застыл, как кролик, загипнотизированный коброй. Нападавший поднял револьвер и выстрелил. Первая пуля вдребезги разнесла ветровое стекло. Я видел, как Несокрушим, вцепившись в принца, отчаянно пытается уложить его на сиденье.

Поздно.

Когда прогремели два следующих выстрела, я уже знал, что они найдут цель. Обе пули попали в грудь принца. Несколько секунд он еще держался на ногах, будто и впрямь был богом, и пули прошли сквозь тело, не причинив вреда. А потом пятна ярко-алой крови расплылись по шелку туники, и он осел и обмяк, словно бумажный стаканчик в сезон дождей.

Два

Моей первой мыслью было броситься на помощь принцу, но времени не было – во всяком случае, пока в револьвере убийцы еще оставались патроны.

Я скатился с сиденья на дорогу ровно в тот момент, когда грохнул четвертый выстрел. Не знаю, куда попала пуля, но точно не в меня. Я нырнул за раскрытую дверь «роллса», противник выстрелил еще раз. Пуля ударила в автомобиль прямо перед моим лицом. В своей жизни я видел, как пули прошивают металл, будто бумажный лист, поэтому мне показалось подлинным чудом, когда эта не повредила дверь автомобиля. Позже я узнал, что «роллс-ройс» принца был облицован литым серебром. Отличное вложение средств.

Я переместился, ожидая шестого выстрела, но вдруг услышал чарующий щелчок опустевшего барабана. Либо это револьвер с пятью гнездами в барабане, либо у убийцы было всего пять патронов, и хотя первое встречается редко, о последнем я вообще никогда не слышал. Ни разу не сталкивался с профессиональным убийцей, который экономит на боеприпасах. Воспользовавшись шансом, я вытащил из кобуры «веблей», поднялся, выстрелил и промазал, пуля оторвала щепку от ближайшего дерева. А нападавший уже со всех ног бежал прочь.

На заднем сиденье автомобиля Несокрушим, склонившись над принцем, пытался остановить поток крови своей рубашкой. Впереди полковник Арора, пошатываясь, встал на ноги и прижимал ладонь к кровоточащей голове. Ему повезло. Похоже, основную силу удара принял на себя тюрбан. Иначе он не поднялся бы так быстро – или вообще никогда.

– Везите принца в госпиталь! – крикнул я ему, бросаясь вслед за убийцей. У того была фора ярдов в двадцать пять, и он уже добежал до дальней стороны Чоуринги.

Место для нападения было выбрано отлично. Чоуринги – странная улица. Одна ее сторона – из самых оживленных в городе, сплошь магазины, отели и колоннада, вечно запруженная гуляющей публикой. А другая, открытая солнцу и примыкающая к просторному Майдану, наоборот, всегда пустынна. Единственными пешеходами на нашей стороне дороги оказалась парочка кули, и они определенно не те люди, кто бросится на помощь при звуках выстрелов.

Я преследовал убийцу, уворачиваясь от автомобилей на четырехполосной магистрали. И непременно потерял бы в сутолоке перед выбеленными стенами Индийского музея, если бы не его ярко-оранжевый наряд. Стрелять в толпу было слишком опасно. Да и в любом случае, выстрел в человека, обряженного в священные индуистские одежды, на глазах у множества людей – чистое безумие. У меня достаточно забот и без того, чтобы провоцировать религиозный бунт.

Убийца нырнул в лабиринт улочек, ведущих на восток от Чоуринги. Он был в отличной форме или, по крайней мере, в лучшей, чем я, и расстояние между нами, кажется, увеличивалось. Я добежал до конца улицы и, едва переводя дыхание, крикнул, приказывая немедленно остановиться. Нет, я вовсе не надеялся, что он послушается, – знаете, нечасто случается, чтобы вооруженный убийца, имеющий шанс сбежать, благородно принял во внимание требование полицейского, но, к моему удивлению, этот тип поступил именно так. Он остановился, обернулся, поднял револьвер и выстрелил. Должно быть, успел перезарядить оружие по дороге. Это было впечатляюще. Я бросился на землю как раз вовремя, чтобы услышать, как пуля вонзилась в стену позади меня, выбросив в воздух осколки кирпича и пыль штукатурки. Я вскочил, пальнул в ответ и опять промазал. Преступник развернулся, скользнул в переплетение улочек, свернул налево. Я потерял его из виду, но не сдавался и побежал дальше. Впереди послышался странный рокот – звуки множества голосов и ритмичный барабанный бой. Выскочив из переулочка, я завернул за угол Дхарматолла-стрит и встал как вкопанный. Широкая магистраль была запружена народом, все до одного – местные. Оглушительный грохот, и в ритм с барабанами все повторяют какой-то речитатив. Впереди толпы возвышалась исполинская трехъярус-

ная штукovina на колесах, напоминавшая индуистский храм. Ее медленно тянули на длинных веревках десятки мужчин. Я отчаянно озирался в поисках беглеца, но безуспешно. Толпа была слишком плотной, и слишком много в ней было людей в шафрановых одеждах. Убийца испарился.

Три

– Как, черт побери, я должен, по-вашему, объяснять это вице-королю?! – рычал лорд Таггерт, стуча кулаком по столу. – Наследный принц суверенного государства застрелен среди бела дня в присутствии двух моих офицеров, которые не только не предотвратили покушение, но еще и позволили убийце безнаказанно сбежать! – Вены на левом виске комиссара полиции готовы были лопнуть. – Я бы отстранил вас обоих, не будь ситуация столь серьезна.

Мы с Несокрушимом сидели в просторном кабинете комиссара на третьем этаже полицейского управления на Лал-базаре. Я не сводил глаз с Таггерта, Несокрушим уставился на свои ботинки. В комнате было невыносимо жарко, отчасти из-за испепеляющих реплик шефа.

Он не так уж часто впадал в ярость, но сейчас я не стал бы его укорять за это. Мы с Несокрушимом работали вместе уже больше года, и, честно говоря, сегодня был точно не наш день. Несокрушим, наверное, все еще пребывал в состоянии шока, став свидетелем гибели своего друга. Что до меня, я ощущал симптомы вроде бы начинающегося гриппа, но точно знал, что это предвестники совсем другой болезни.

Упустив убийцу, я вернулся к Майдану, но «роллс-ройс» уже уехал. За исключением следов шин на асфальте и битого стекла, ничто не напоминало о случившемся здесь происшествии. Но я все же обшарил траву вдоль дороги и отыскал две гильзы. Сунув их в карман, подождал такси и поспешил в больницу медицинского колледжа на Колледж-стрит. Это было ближайшее медицинское учреждение и лучшее в Калькутте. Несокрушим наверняка повез принца именно туда.

Когда я добрался до места, все уже было кончено. Врачи изо всех сил пытались спасти его жизнь, но сразу после выстрела было понятно, что у принца нет шансов. Оставалось только вернуться на Лал-базар и сообщить новость комиссару.

– Расскажите еще раз, как вы его упустили.

– Я гнался за ним от Чоуринги, – вздохнул я. – По каким-то задворкам до самой Дхарматолла. Я не мог стрелять, там была толпа народу. Уже в переулках я пальнул в него пару раз.

– И промахнулись?

Ответ на этот неудобный вопрос ему уже был известен.

– Да, сэр.

Таггерт посмотрел на меня скептически.

– Ради всего святого, Уиндем! – взорвался он. – Вы четыре года прослужили в армии. Ну уж стрелять-то вы должны были научиться!

Я мог бы напомнить, что половину этого срока я провел в военной разведке под его непосредственным началом. А большую часть оставшегося времени просидел в окопе, изо всех чертовых сил прячась от немецких снарядов, которые летели отовсюду. Правда заключалась в том, что за все четыре года я вряд ли в кого-то стрелял.

Таггерт постарался взять себя в руки.

– И что произошло потом?

– Он побежал дальше по Дхарматолла-стрит, и там я потерял его в религиозной процессии – тысячи людей тащили какую-то гигантскую штуковину.

– Джаггернаут, сэр, – вставил Несокрушим.

– Что? – переспросил Таггерт.

– Процессия, на которую наткнулся капитан Уиндем, сэр. Это *Ратха-ятра* – явление колесницы индуистского божества Джаганната. Каждый год тысячи преданных тянут его колесницу по улицам города. Некогда англичане перепутали имя божества с его колесницей. Отсюда и произошло английское слово «джаггернаут».

– Как он выглядел? – спросил Таггерт.

– Божественный Джаганнат? – смешался Несокрушим.

– Убийца, сержант, не божество.

– Тощий, среднего роста, кожа темная, – сказал я. – Бородатый, с длинными грязными патлами, на вид не мытыми несколько месяцев. И у него были странные знаки на лбу: две полосы белого пепла, соединяющиеся на переносице, и красная линия между ними.

– Это что-то означает, сержант? – спросил Таггерт. Комиссар, как и я, давно уяснил: когда дело касается национальных особенностей, лучше спросить кого-то из местных.

– Это религиозный знак, – объяснил Несокрушим. – Такие знаки часто наносят священнослужители.

– Думаете, нападавший как-то связан с той религиозной процессией?

– Вполне вероятно, сэр, – ответил Несокрушим. – Возможно, он неспроста ринулся прямо в толпу на Дхарматолла.

– Тогда, может быть, это покушение на религиозной почве? – предположил Таггерт. Кажется, ему стало легче. – Боже, надеюсь, что так. Все что угодно, лишь бы не политические мотивы.

– Хотя, с другой стороны, его наряд мог быть маскировкой, – предостерег я.

– Но с чего бы религиозному экстремисту убивать наследного принца Самбалпура? – размышлял Несокрушим. – Насколько я знал Адир, его трудно было назвать религиозным человеком.

– Вот это вам с капитаном и предстоит выяснить, – заявил Таггерт. – И не стоит недооценивать религиозный аспект. Вице-король предпочел бы услышать, что это нападение на почве религии и не имеет никакого отношения к его драгоценным переговорам. Самбалпур приведет с собой почти дюжину других туземных княжеств, и вице-король надеется, что это подтолкнет некоторых строптивых правителей среднего уровня подписать соглашение. – Комиссар снял очки, протер их носовым платком и водрузил обратно на нос. – Тем временем вы двое должны схватить убийцу и сделать это очень быстро. Меньше всего нам нужно, чтобы все эти махараджи и набобы сбежали из города под тем предлогом, что мы не в состоянии гарантировать их безопасность. Итак, если это все, джентльмены... – произнес он, вставая из-за стола.

– Есть кое-что еще, о чем вам следует знать, сэр, – произнес я.

– О чем мне надо знать, Сэм? – устало посмотрел он на меня.

– Принц получил несколько писем, которые, по-видимому, встревожили его. Именно поэтому он хотел сегодня встретиться с сержантом Банерджи.

Комиссар мгновенно помрачнел.

– Вы видели эти письма?

– Нет, сэр. Но принц сообщил нам, что эти письма лежат в его номере в «Гранд-отеле».

– Тогда стоит отправиться туда и забрать их, верно?

– Я собирался этим заняться сразу же после беседы с вами, сэр.

– Что еще вы намерены сделать, капитан?

– Допросить человека по имени Даве – адъютанта принца, дивана Самбалпура. Кажется, между ним и принцем имелаась какая-то напряженность. И еще я хочу, чтобы составили и напечатали в завтрашних газетах портрет нападавшего. Если он все еще в городе, возможно, кто-нибудь сумеет его опознать.

Таггерт помолчал, затем решительно указал на дверь:

– Отлично. Так чего вы ждете?

* * *

В противоположном конце коридора находилась комната, откуда, по слухам, открывался лучший вид на город. Изначально там планировали устроить кабинет начальства, но по при-

чине отличного освещения комнату отдали гражданскому художнику-криминалисту, служившему в полицейском департаменте, коротышке-шотландцу по имени Уилсон.

Я постучался и вошел в его владения: панорамное окно, стены увешаны карандашными набросками, большая часть – портреты, в основном мужчин и в основном туземцев. В центре комнаты за наклонным столом сидел Уилсон. Сидящий человек с задиристым характером терьера и страстью к пиву и Библии, истово отдающийся по воскресеньям последней, а прочие вечера посвящая первому. На самом деле именно сочетание этих страстей привело его в Калькутту. После пары-тройки кружек он с радостью поведает вам историю своей жизни – как в юности из честолюбия решил выпить в кабаке «Бон Аккорд» в Глазго строй кружек, поставленных в ряд от одного конца барной стойки до другого, и в результате попал в больницу. А в больнице обрел Бога, и Бог (полагаю, Всевышний так пошутил) велел ему отправляться миссионером в Калькутту, для чего он совершенно не годился, ибо его драчливый характер никак не сочетался с миссионерским духом. В итоге Уилсон расплевался с собратьями и каким-то образом заделался художником в Бенгальской полиции.

– Нечасто встретишь вас здесь, капитан Уиндем, – усмехнулся он, вставая. – И его верный сержант Банерджи! Какой приятный сюрприз. Пришли полюбоваться видом?

– Нам нужен хороший художник, – отозвался я. – Нет такого на примете?

– Угу, очень смешно. Ну, рассказывайте, чего вам надо.

– Нам нужно набросать портрет индийского парня, и очень срочно.

– Вам повезло. Индийские парни – мой конек. А что он натворил, кстати?

– Застрелил принца, – сказал Несокрушим.

– Ого, это серьезно, – важно кивнул Уилсон. – Итак, где ваш свидетель?

– Ты на них смотришь.

Художник недоуменно приподнял бровь, а потом расхохотался:

– Вы двое? Вы были рядом, когда грохнули большую шишку?

Я кивнул.

– И позволили стрелявшему смыться? Ничего себе, Уиндем, несколько беспечное поведение, нет? И что сказал по этому поводу Таггерт?

– Он отнесся философски.

– О да, держу пари, так оно и было. Уверен, он нашел для вас подходящие философские слова. Он, когда зол, бранится, как портовый грузчик.

– А ты откуда знаешь?

– Его кабинет дальше по коридору, дружище. Я слышу! И ты еще называешь себя детективом, парень? Удивляюсь, как он не отправил вас двоих в постовые, проверять лицензии у *рикши-валла*. Ладно, давайте уже описывайте своего мужика. Если вам двоим нечем заняться, то у меня полно дел.

Я начал описание – борода, пепельный след на лбу.

Уилсон по ходу дела мотал головой:

– То есть вас обвел вокруг пальца жрец? Отличное шоу, джентльмены. Жаль, меня там не было, с удовольствием бы поглядел.

– Этот человек был вооружен, – наставительно произнес Несокрушим.

– Ага, как и твой босс. – И Уилсон указал на меня черным от угля пальцем.

Не прекращая болтать, он набросал портрет, поправляя глаза или волосы согласно нашим подсказкам. Наконец, решив, что рисунок меня удовлетворяет, я констатировал:

– Неплохо.

– Тогда отошлю это в газеты, – сказал Уилсон.

– И в английские, и в бенгальские, – попросил я. – И проверь, не печатают ли в городе газеты из Ориссы.

Уилсон скривился:

– Я художник, помнишь? А вы, два клоуна, вроде бы пока детективы. Вот вы и узнавайте про газеты Орииссы. А я передам это обычным клиентам.

– Спасибо. – И я повернулся к двери.

– Удачи, Уиндем, – пожелал он на прощанье. – А вам, сержант Банерджи, и впрямь пора перестать якшаться с такими, как капитан. Жаль будет узнать, что талант вроде вас вынужден инспектировать гужевые повозки.

* * *

По пути от Лал-базара в «Гранд-отель» Несокрушим молчал, лицо его вытянулось, как бар в Бенгальском клубе. Впрочем, я тоже был не в настроении разговаривать. Неспособность предотвратить убийство, разумеется, не самая приятная тема для беседы.

– Вы хорошо знали принца? – выдержав паузу, все же спросил я.

– Неплохо, – ответил Несокрушим. – Он учился вместе с моим братом в Хэрроу, на несколько классов старше, чем я. А близко познакомились мы, когда оба оказались в Кембридже.

– Вы дружили?

– Не то чтобы, хотя в университете все индийцы в той или иной степени сблизилась. Вместе безопаснее и все такое. Ади, может, и принц, но для английских студентов он был просто еще одним «цветным». Боюсь, те годы сильно повлияли на него.

– А вас, похоже, учеба в Англии не слишком ранила.

– Я отлично играл в крикет, – задумчиво проговорил Несокрушим. – Мальчишки не склонны обращать внимание на цвет кожи, если ты можешь запустить крученный мяч в игре против Итона.

– Не представляете, кто мог желать его смерти?

– Боюсь, что нет, сэр, – покачал головой сержант.

Наш автомобиль миновал украшенный колоннами фасад «Гранд-отеля» и остановился во дворе напротив главного входа. Лакей в тюрбане проворно подскочил и открыл дверь.

Мы прошли вдоль аллеи миниатюрных пальм и вступили в фешенебельный мраморный вестибюль, благоухающий цветущими франжипани и немножко лаком для мебели. В дальнем конце безупречно сияющего пространства за стойкой красного дерева распоряжался делами отеля облаченный в визитку усатый администратор из местных. Я показал ему удостоверение и спросил, где номер принца.

– Апартаменты Самбалпура, сэр. Третий этаж.

– А номер комнаты?

– Там нет номеров, сэр. Это апартаменты, сэр. Апартаменты Самбалпура. Они принадлежат княжеству Самбалпур.

Я не мог оценить выражение его лица, уж слишком высоко он задрал нос, но у меня сложилось впечатление, что он считает меня идиотом. Всегда ужасно раздражает, когда туземцы разговаривают с тобой свысока, но, вместо того чтобы огрызнуться, я прикусил язык, поблагодарил и протянул ему десятирупиевую купюру. С персоналом самых роскошных отелей города выгоднее быть в добрых отношениях. Никогда не знаешь, вдруг в один прекрасный день они снабдят тебя ценной информацией.

С Несокрушимом, следующим по пятам, я направился к лестнице, прикидывая, сколько может стоить бессрочная аренда апартаментов в «Гранд-отеле».

* * *

Двери отворил лакей в изумрудной с золотом ливрее.

– Капитан Уиндем и сержант Банерджи к первому министру Даве, – представился я. Слуга кивнул и проводил нас в гостиную в конце длинного коридора.

Апартаменты Самбалпура оказались даже роскошнее, чем я представлял, – все в золоте и белом мраморе, который для Калькутты такое же обычное дело, как красный кирпич в Лондоне; стены украшали гобелены и произведения восточного искусства. Все тут было исполнено изысканности и изящества, которые нечасто встретишь в отеле, – по крайней мере, в тех отелях, где я бывал.

Из коридора вели полдюжины дверей; по всей видимости, апартаменты Самбалпура по размерам гораздо просторнее, чем весь мой пансион. Да и цена, пожалуй, повыше.

Оставив нас у входа в гостиную, слуга удалился на поиски дивана. Несокрушим сел на позолоченную кушетку, обтянутую золотым шелком, – что-то французское, Луи Четырнадцатый или вроде того, – в общем, из тех предметов мебели, на которые приятнее любоваться издали, чем сидеть на них. Я подошел к окну, откуда открывался вид на Майдан и реку за ним. К юго-западу, всего в нескольких сотнях ярдов от отеля, отлично видно было место, где встретил свою смерть наследный принц. Майо-роуд была перекрыта, место огорожено лентами, пара констеблей несли караул. Остальные полицейские ползали на четвереньках, выискивая следы по моему приказу, хотя я сомневался, что отыщется что-то еще, кроме двух гильз, которые я уже подобрал. Я не эксперт, но гильз все же повидал на своем веку немало, и такие мне точно не попадались. Очень старые. Возможно, еще довоенные. Вероятно, даже произведенные не в двадцатом веке.

Несокрушим затих на своей кушетке. Он никогда не был особенно разговорчив – и это мне в нем очень нравилось, – но молчание бывает разным, и когда достаточно знаешь человека, научаешься это различать. Он был совсем молод, и хотя уже убил несколько человек – некоторых, спасая мою шкуру, – он пока не переживал кошмарных мгновений, когда пуля попадает в друга у тебя на глазах и ты беспомощно смотришь, как жизнь покидает его тело.

Я же испытывал подобное слишком много раз и потому не чувствовал уже ничего.

– Вы в порядке, сержант? – спросил я.

– Сэр?

– Хотите сигарету?

– Нет. Благодарю вас, сэр.

Из коридора донеслись голоса. Они становились все громче и внезапно оборвались. Мгновение спустя дверь распахнулась и Даве с лицом пепельного цвета вошел в гостиную. Несокрушим встал, приветствуя его.

– Джентльмены, – начал диван. – Если вы не против, давайте обойдемся без церемоний. Вы понимаете, что сегодняшние события... мучительны. Я был бы признателен за любую помощь, которую вы можете оказать в деле возвращения на родину останков Его Высочества принца Адир.

Мы с Несокрушимом переглянулись.

– Боюсь, здесь мы ничем помочь не сможем, – произнес я. – Но убежден, тело принца будет вам возвращено, как только это станет возможно.

Мои слова определенно не понравились Даве, зато вернули немного цвета его щекам.

– Его Величеству махарадже сообщили трагическую новость, и он распорядился, чтобы останки его сына были возвращены в Самбалпур без промедления. Никакое вскрытие недопустимо, его тело ни при каких условиях не должно подвергнуться дальнейшему осквернению. Данное требование уже направлено вице-королю и не подлежит обсуждению.

Перед нами был совсем другой человек, совсем не тот жалкий бесхребетный лакей, которого мы видели в Правительственном дворце сегодня утром. С того времени он успел обрести осанку.

– Разумеется, – продолжал он, – Его Величество с нетерпением ждет, что виновный или виновные в этом чудовищном преступлении будут схвачены и наказаны в кратчайшие сроки, и, в интересах англо-самбалпурских отношений, мы просим держать нас в курсе вашего расследования. Соответствующая нота уже направлена вице-королю и, без сомнения, доведена до сведения вашего начальства.

– Относительно нашего расследования, – перебил я. – Мы были бы признательны за кое-какую помощь.

Даве предложил нам сесть, сам устроился в кресле рядом.

– Прошу, продолжайте.

– Ваши разногласия с принцем сегодня днем. Чего они касались?

Тень скользнула по его лицу, но тут же исчезла.

– У меня не было никаких разногласий с ювраджем.

– Ювраджем? – переспросил я.

– Это слово, обозначающее наследного принца, сэр, – подсказал Несокрушим. – На хинди его именовали «юврадж Адир Сингх Сай Самбалпура».

– При всем уважении, господин министр, мы с сержантом были свидетелями вашей размовки – возразил я. – Вы определенно расходились во мнениях по некоторым аспектам переговоров с вице-королем.

– Он был ювраджем, – вздохнул Даве, – а я лишь скромный чиновник, призванный исполнять желания королевской семьи.

– Но в должности первого министра вы наверняка еще и советник королевской семьи? И, кажется, ваши советы противоречили точке зрения принца.

Диван криво улыбнулся:

– Юврадж был молод, капитан. А молодые люди часто своенравны – и принц более многих. Он возражал против вступления Самбалпура в Палату князей по предложению вице-короля.

– А вы с ним не соглашались?

– Если возраст и дарует нам что-либо, – продолжил Даве, – то лишь мудрость. Самбалпур – маленькое государство, по благословению богов щедро одаренное природой, и это часто привлекало алчные взгляды. Давайте не забывать нашей истории. Ваша Ост-Индская компания пыталась, и неоднократно, захватить наше княжество. Такому государству, как Самбалпур, нужны друзья и голос на политической арене. Кресло в Палате князей обеспечило бы нам такой голос.

– И что будет теперь?

Даве не спешил с ответом.

– Очевидно, на какое-то время мы откажемся от участия в переговорах. Затем, когда закончится период траура, я еще раз обсужу этот вопрос с махараджей и... – последовала едва заметная пауза, – с другими советниками.

– У вас есть предположения, кто мог желать гибели ювраджа?

– Конечно. Леваки-радикалы – смутьяны вкупе с Индийским национальным конгрессом¹⁴. Они готовы на что угодно, лишь бы подорвать власть королевской семьи в Самбалпуре. Командиру милиции Самбалпура уже приказано арестовать главарей.

– В разговорах с вами принц упоминал о письмах, полученных им недавно?

Даве недоуменно приподнял бровь:

– Что за письма?

– Мы не знаем, – вступил Несокрушим. – Но они, кажется, встревожили его.

– Он никогда не говорил мне ни о каких письмах.

¹⁴ Старейшая политическая партия Индии, перешедшая в 1920-х к борьбе за независимость страны.

– Он говорил о них полковнику Ароре, – сказал я.

– В таком случае полковник и объяснит.

Он нажал медную кнопку на стене. Прозвенел звонок, и появился лакей.

– *Арора сахиб ко булаане*¹⁵, – приказал Даве.

Слуга кивнул и скрылся за дверью.

Через минуту дверь распахнулась и появился адъютант. На голове его красовался новый тюрбан, сбоку от которого – лиловый синяк размером с ручную гранату. Полковник выглядел куда менее внушительно, чем прежде, как будто убийца его хозяина физически отрубил и от него самого пару дюймов.

– Сэр, – приветствовал он.

– Как голова? – поинтересовался я.

– Доктора полагают, что трещины в черепе нет, – сдержанно произнес он, поднеся руку к распухшему лицу.

– За это нужно быть благодарным, – заметил Несокрушим.

Сикх метнул в его сторону яростный взгляд, но взял себя в руки.

– Чем могу быть вам полезен, джентльмены?

– Хотим задать вам несколько вопросов о нападении, – начал я, жестом предлагая ему присесть.

Но полковник, похоже, предпочитал стоять.

– Вы же были там. И видели все, что я делал.

– И все же. Нам нужна ваша версия событий.

– Для протокола, – добавил Несокрушим, как бы разясняя, и вытащил из нагрудного кармана желтый блокнот и карандаш.

– Что вы хотите знать?

– Начнем с самого начала, – предложил я. – Когда мы выехали из Правительственного дворца, почему вы выбрали именно этот путь до отеля? Едва ли он самый короткий.

Адъютант облизнул тонкие губы, не торопясь с ответом:

– Прямой путь был перекрыт из-за Ратха-ятры. Вы же видели.

– Но почему вы поехали через Майдан?

– Знакомый маршрут. Юврадж и я много раз проезжали там. Он любил ездить через парк.

– И что произошло, когда вы оказались на углу Майо-роуд у поворота к Чоуринги? Когда вы впервые заметили нападавшего?

Полковник напрягся.

– Я увидел его только в тот момент, когда он выскочил на дорогу перед машиной. Должно быть, прятался за деревом. Я, естественно, затормозил как мог резко. Я не думал, что машина задела парня, но он упал, поэтому я заподозрил, что мы все-таки сбили его. Сейчас я жалею только о том, что не нажал тогда на газ и не переехал эту скотину.

– А что случилось потом?

– Как вы видели, я вышел из машины проверить, что с ним. Он лежал лицом вниз под радиатором автомобиля. Я наклонился посмотреть, в порядке ли он. И тут он повернулся и ударил меня. Следующее, что я помню, это звук выстрелов.

– Вы видели, чем он вас ударил?

Он помотал головой.

– В любом случае, это было что-то тяжелое.

– Мы не нашли никаких предметов на месте преступления, – сказал я.

Полковник впился в меня взглядом:

– Полагаю, он забрал это с собой.

¹⁵ Пригласите господина Арору (*хинди*).

– Вы узнали нападавшего?

– Я никогда раньше его не видел, – прорычал он. – Но уж поверьте, никогда не забуду это лицо. Я унесу этот образ с собой на погребальный костер.

Он побагровел. Я ему даже сочувствовал. Позор случившегося останется с ним до конца жизни, а возможно, и в следующей жизни тоже.

– Итак, Арора, – вмешался Даве, – капитан говорил о каких-то письмах, которые юврадждякобы недавно получил. Вам что-нибудь известно о них?

– Простите? – рассеянно переспросил полковник, как будто думал о своем, вновь переживая события сегодняшнего дня.

– Записки, о которых говорили в машине, – пояснил я.

– Да, он показывал их мне.

– Они у вас?

– Они хранились у Его Высочества.

– О чем в них написано, конкретно?

– Не знаю. Я не мог их прочесть. Они написаны на ория¹⁶. Ни ювраджд, ни я не говорим на ория. Почти никто при дворе не говорит. Все дела ведутся на английском, иногда на хинди, но ория? Нет, никогда.

– Но это же местный язык, разве нет? – удивился Несокрушим.

– Да, но не придворный.

– Принц не просил вас перевести эти записки? – спросил я.

Полковник вновь отрицательно качнул головой:

– Нет, и я вообще забыл о них, пока он вдруг не заговорил о них в машине.

– Видимо, он каким-то образом получил перевод, – предположил я.

– Да, – согласился адъютант. – Но не от меня.

– Может, от кого-то из придворных?

Полковник сдержанно улыбнулся и покосился на Даве:

– Осмотрительность – качество, которого не хватает во дворце.

– У вас есть предположения, кто мог желать смерти юврадждя? – напрямую спросил я.

Адъютант огладил аккуратно подстриженную бородку:

– Не хотелось бы пустых предположений. Возможно, на этот вопрос будет уместнее ответить дивану.

– Мистер Даве уже поделился с нами своими мыслями. Я спрашиваю вас.

– Ничего не приходит в голову.

– Я так понимаю, вы возвращаетесь в Самбалпур?

Сикх медленно кивнул, глядя в окно:

– Мне так приказали. – Он обернулся ко мне: – Я должен ответить за то, что не справился со своими обязанностями перед юврадждем.

– Капитан Уиндем, вы должны понять, что у нас обоих есть неотложные дела, – вмешался Даве. – Если ничего больше...

– Я хотел бы осмотреть комнату принца, если позволите.

Даве посмотрел на меня как на сумасшедшего.

– Это абсолютно не обсуждается, – отрезал он.

Нечасто индийцу хватает духу отклонить требование британского полицейского, но у меня не было времени на эти игры.

– Если предпочитаете иной путь, мистер Даве, я вернусь через час с двумя ордерами, – предложил я. – Один – дающий мне разрешение перевернуть эти апартаменты сверху донизу, и второй – на ваш арест за препятствие правосудию.

¹⁶ Ория (одия) – язык, на котором говорят 35 млн жителей штата Орисса (Одиша).

Даве опустил глаза и покачал головой.

– Можете хоть из кожи вон вылезти, капитан, – размеренно произнес он. – Для начала вы узнаете, что эти апартаменты – официально суверенная территория Самбалпура. А по поводу моего ареста предлагаю вам побеседовать с вице-королем, прежде чем предпринимать действия, результатом которых станет преждевременный и печальный финал вашей карьеры.

Четыре

Еще не было и девяти часов вечера, а я сидел в кресле на террасе, перебирая события дня при поддержке бутылки «Гленфарклас». Несокрушим сидел рядом, уставившись на темнеющую улицу, ни дать ни взять монахиня-кармелитка.

Некоторые могут счесть это скверной шуткой – сахиб, делящий жилье с туземцем. Другие спишут на эксцентричность. В любом случае меня это нисколько не волнует. Несокрушим смотрел на мир с оптимизмом, который я уже утратил, и с восточной чуткостью, бросающей вызов моим зачастую предвзятым английским взглядам. Я находил его присутствие живительным, а те, кому это не нравится, могут прямиком отправляться к чертям.

– О чем ты думаешь?

– Я думаю про Ади Сая, – ответил он. – И как нельзя обмануть судьбу.

– Думаешь, ему судьбой было предначертано быть убитым сегодня?

– Если звезды предсказали, что такова его судьба, ни ему, ни кому иному не дано избежать ее.

Квинтэссенция индуистского мировоззрения.

– Может, надо было намекнуть на это лорду Таггерту, – посетовал я. – Спас бы нас от разноса.

– Я серьезно. И судьба как будто следовала за ним от Самбалпура до Калькутты.

Насчет судьбы я был не в курсе, но согласился, что есть вероятность, что нападавший прибыл сюда следом за принцем. Пригубив виски, я спросил:

– Как ты думаешь, откуда убийца узнал, где именно нанести удар?

– Что вы имеете в виду, сэр?

– Откуда он узнал, что мы поедем через Майдан? Ну, то есть, мы ведь вовсе не собирались так ехать. И свернули туда только потому, что прямой путь на Чоуринги был перекрыт. Как убийца догадался, что нас нужно дожидаться на углу Майо-роуд?

Внезапно оживившись, Несокрушим повернулся ко мне:

– Не думаете же вы... – Он умолк на полуслове.

– Что полковник Арора был частью плана?

– Именно *он* выбирал маршрут. Он мог подсказать нападавшему.

– Не думаю, – покачал я головой. – Судя по звуку удара, который нанес ему преступник, полковнику вообще повезло, что остался в живых.

– Тогда откуда же он узнал, что мы поедем по Майо-роуд? – недоумевал Несокрушим.

– Возможно, было несколько террористов, на всех маршрутах, – предположил я. – У них принято так действовать.

Прежде чем я успел предложить еще несколько версий, раздался стук в дверь. Сандеш, наш слуга, прошлепал по коридору. Входная дверь открылась, и в животе у меня екнуло, когда я узнал голос посетителя. Прошло много времени с тех пор, как я слышал его в последний раз, и тогда между нами все было, мягко говоря, сложно, но даже сейчас этот голос подействовал на мои синапсы, как электрический разряд.

Я отставил виски, глубоко вдохнул и вошел в гостиную как раз в тот момент, когда Сандеш вводил туда нашу гостью.

На ней было узкое черное шелковое платье и чокер с бриллиантом, и для меня она была самой прекрасной драгоценностью Бенгалии.

– Мисс Грант, – приветствовал я. – Какой приятный сюрприз.

Я и правда так думал.

Мы познакомились, когда я расследовал смерть ее бывшего работодателя. Некоторое время были близки. Пока из-за небольшого недоразумения все не пошло под откос. Впрочем, я

не осуждал ее: полагаю, любая женщина порвала бы с мужчиной, который обвинил ее в соучастии в убийстве. Разумеется, я попытался объяснить, что формально не обвиняю ее ни в чем, но трудно возродить романтические отношения, прибегая к формальностям.

Не могу сказать, что эта история дурно сказалась на ней; вообще-то мисс Грант вышла из ситуации, благоухая розами или, по крайней мере, дорожными духами, которыми пользовалась в то время. Она даже умудрилась заработать на этом деле, вложила деньги в акции джутовой компании. Сейчас, говорят, мисс Грант стоила целую гору рупий. В этом смысле она была умна. Гораздо умнее меня, во всяком случае.

Деньги здорово изменили ее жизнь. Не просто позволили одеваться изысканно, как она того заслуживала, но помогли избавиться от того клейма, которое не могли скрыть ни ее очарование, ни красота – наполовину индийской крови. Хотя ее англо-индийское происхождение никогда не было для меня проблемой.

Я предложил ей сесть.

– Несокрушим как раз вчера говорил, что давненько мы о вас ничего не слышали, – соврал я.

Не в первый раз я подставлял своего помощника под удар, считая это важной частью его обучения. В конце концов, хороший детектив должен уметь импровизировать.

– Стоит только черта помянуть, – прокомментировал я появление сержанта в дверях.

– О да, мисс Грант. Э-э, совершенно верно... вчера, – пробормотал он.

– Могу я предложить вам выпить? – спросил я. – Боюсь, правда, выбор невелик. У нас есть виски и где-то припрятано немного джина. Мы с Несокрушимом вроде бы не особые любители этого дела, но отчего-то запасы иссякают с изрядной скоростью. Что странно, поскольку у нас редко бывают дамы – если не считать экономку, конечно, но она божится, что не прикасается к спиртному. Подозреваю, она больше по шампанскому. Как, видимо, и вы сейчас. – Я указал на усыпанный бриллиантами чокер на ее шее.

– Виски вполне подойдет. – Она обернулась к Сандешу: – *Ек чота нег*¹⁷.

– И один для меня, Сандеш, – добавил я. – Но для меня сделай *бурра*¹⁸. А тебе, Несокрушим?

– Пожалуй, нет, – ответил он, все еще околачиваясь возле двери.

Сандеш кивнул и направился к шкафчику с напитками.

– Тихий вечер вдвоем? – поинтересовалась Энни, обмахиваясь газетой, которую прихватила с кофейного столика.

– Так точно, мисс Грант, – подтвердил я. – Матушка Несокрушима хотела устроить ему сегодня свидание с какой-то барышней, но наш мальчик не расположен пока остепеняться. И он ответил родным, что никак не может, потому что я заставляю его день и ночь работать над новым делом.

Несокрушим криво усмехнулся.

– В итоге мы сидим тихо как мышки.

– Представляешь, что с тобой сделает матушка, услышав, что ты называешь ее сына Несокрушим? – фыркнула она. – Бога ради, Сэм. Ты мог хотя бы попытаться произнести это правильно.

Мы с Несокрушимом переглянулись.

– Ну, если ему не нравится это имя, думаю, я всегда смогу называть его Банти.

– Как? – озадаченно переспросила Энни.

Сержант покраснел.

– Несокрушим звучит нормально, – торопливо проговорил он.

¹⁷ Один маленький глоток (*бенг.*).

¹⁸ Большой (*бенг.*).

Сандеш принес выпивку и тихо удалился, по пути нажав на кнопку выключателя, который привел в действие вентилятор на потолке.

– Итак, мисс Грант, – сказал я, – как видите, мы с Банти очень заняты. Можем мы быть вам чем-нибудь полезны или вы просто заскочили насладиться искрометной беседой?

Она сделала глоток виски, на этот раз заметно более щедрый:

– Вообще-то я зашла попросить тебя прекратить вмешиваться в мои дела.

Я изобразил на лице невинность, достойную лика святого Франциска Ассизского.

– Боюсь, вам придется объясниться, мисс Грант, поскольку я понятия не имею, что вы имеете в виду.

Не похоже, что я ее убедил.

– То есть ты не говорил обо мне с мистером Пилом?

– С кем?

– С Чарльзом Пилом, стряпчим.

– Это имя мне ни о чем не говорит, – пожал я плечами.

– А вот он, похоже, знает тебя, Сэм.

– Старикан с большим носом? – уточнил я, как будто меня только что осенило. – Вот сейчас, когда ты сказала, я припоминаю, что, кажется, встречался с ним однажды в Калькутта-клубе. Приятный парень, да, – если такие в твоём вкусе.

– Он сказал, ты наплел ему всяких небылиц про меня. И вроде бы не однажды прозвучала фраза «подозрение в соучастии в убийстве».

Я озадаченно надул щеки, почесал в затылке:

– Возмутительное обвинение. Я и болтал-то с ним минут пять всего.

– Но за это время умудрился замарать мою репутацию? Как вообще всплыло мое имя?

– Он сказал, что знаком с тобой.

– Да неужели? – Она скрестила руки на груди. – Он сказал, тебе было известно, что он несколько раз приглашал меня пообедать. Ты что, шпионишь за мной, Сэм?

– Конечно, нет, – возмутился я. – Думаю, это мне Несокрушим рассказал. Он знает обо всем, что происходит в Калькутте.

Чистая ложь. Несокрушим понятия не имел о том, что творится в борделе по соседству, не говоря уже об остальном городе. Правда состояла в том, что у меня повсюду есть платные осведомители, от рикша-валл до хозяев лавок. И привратник в «Грейт Истерн отель» как раз один из них.

– С вашего позволения, мэм, – пробормотал Несокрушим. – Мне действительно надо идти.

И исчез с неуместной, почти предательской поспешностью.

– Итак, старина Чарли Пил запал на тебя, да?

– Не понимаю, с какой стати это должно вас интересовать, капитан Уиндем, – парировала она.

– И не интересуется, – согласился я. – Но если хочешь знать мое мнение, он же лет на пятнадцать старше тебя. Сколько ему, сорок?

Кажется, я заметил тень улыбки на ее лице.

– Он сказал, что тридцать пять.

Чарли Пил даже больший лжец, чем я.

– И ты ему поверила? Могу попросить Несокрушима проверить, если хочешь.

– В этом нет необходимости, Сэм, – сказала она, потягивая виски.

Пора перехватить инициативу.

– Но зачем ты ходишь на свидания с таким занудой? Я видал трупы, которые были живей, чем он. Поговорил с ним жалких пять минут и прямо физически почувствовал, как старею.

Продолжай встречаться с ним – и сама не заметишь, как превратишься в шестидесятилетнюю старуху.

– То есть ты оказал мне услугу, запятнав мою репутацию, так?

– Я же сказал, ничего такого я не делал... Но если хочешь...

Она помолчала, затем приподняла свой стакан:

– Не хочешь предложить мне еще?

Я направился к шкафу.

– Есть еще одна причина моего появления, – сказала она, пока я наполнял стакан.

– И в чем она? – спросил я, не оборачиваясь.

– Ади Сай.

Я повернулся, изо всех сил изображая невозмутимость.

– Что тебе о нем известно?

– Я слышала, его застрелили сегодня. И что ты был рядом, когда это случилось.

– Откуда ты знаешь? – Я вручил ей виски.

– Да брось, Сэм. Ты думаешь, только Несокрушим в курсе того, что творится в городе? У меня есть связи в редакции «Стейтсмен». В завтрашнем номере напечатают портрет убийцы.

– Так ты пришла убедиться, что я не пострадал? Я тронут.

– Нет, – отрезала она. – Я пришла узнать, что произошло. Ади был моим другом. Мы познакомились в прошлом году. С тех пор я несколько раз встречалась с ним и членами его семьи.

Принц был, возможно, другом Энни – это вовсе не то, что мне хотелось услышать.

– Ты ведь знаешь, я не могу тебе ничего рассказать.

– Можешь хотя бы сказать, когда будут похороны.

– Зачем?

– Потому что я хочу присутствовать.

Я покачал головой.

– Похороны будут не в Калькутте. Знаю лишь, что тело должны вернуть в Самбалпур как можно скорее.

Она не стала задерживаться. Допила свой виски и ушла, чмокнув меня в щеку на прощанье. Я закрыл за ней дверь и медленно выдохнул.

Пять

Ночью я ворочался без сна, меня лихорадило.

В голове все плыло в мутном тумане. Глаза слезились, из носа текло, но хуже всего постоянная пульсация в висках, нескончаемая барабанная дробь боли.

Сторонний наблюдатель решил бы, что я слег с простудой, но посвященный сразу догадался бы, в чем дело. Это были первые симптомы опиумной абстиненции.

Следует уточнить: у меня нет зависимости, попросту говоря, я не опиумный наркоман. В самом этом слове слышно злобное осуждение, и я никогда не примерял его на себя. Я употребляю в сугубо медицинских целях.

Говорят, к опиуму, если соблюдать умеренность, трудно привыкнуть. Именно по этой причине я после войны остановил свой выбор на нем. И когда у меня впервые случилась ломка, я был потрясен. Справедливости ради, примерно за неделю симптомы утихли, голова прояснилась, и я смог вернуться к нормальной жизни. По этой причине, несмотря на неприятные последствия, я счел свое состояние управляемым.

Я лежал и заставлял себя сосредоточиться. Проигрывал мысленно убийство Адира. Разбирал на части, препарировал. Изучал. Мог ли я или должен был что-то сделать иначе? Я ворочался с боку на бок, но сон не приходил. Я встал, натянул рубашку и направился к выходу. В темноте гостиной сидел Несокрушим. Он наверняка тоже прокручивал в голове это убийство.

– Пойду прогуляюсь, – сказал я.

Он виновато посмотрел на меня, но промолчал. Не то чтобы он был не в курсе моей ситуации – надо быть совсем уж бестолковым полицейским, чтобы целый год прожить бок о бок с человеком и не понять, что его пристрастие к полуночным прогулкам объясняется вовсе не любовью к физическим упражнениям, – но мы никогда не говорили об этом.

* * *

Чайнатаун Калькутты назывался Тангра: крысиное гнездо грязных улочек и переулков к югу от Белого города. Трущобы убогих лачуг, бараков и ветхих мастерских, скрывающихся за высокими стенами и металлическими воротами, утыканными поверху острыми шипами. Днем здесь смотреть было не на что, еще один обшарпанный пригород, от прочих цветных районов отличающийся только тем, что большинство кучковавшихся здесь были китайцами. Зато по ночам Тангра преображалась: рой притонов, уличных забегаловок, игорных домов и опиумных курилен. Короче, здесь можно было найти все, что делает сносной жизнь в изнемогающем от жары, душном, грязном мегаполисе, населенном миллионами людей.

Я велел таксисту остановиться около заколоченного досками магазина, протянул ему несколько скомканных банкнот. Перепрыгнув открытую сточную канаву, зашагал по еле освещенному переулку, пустому, если не считать стайки бродячих собак и куч гнилья, вонявшего хуже, чем выгребная яма.

Впереди открылась дверь, пролив луч маслянисто-желтого света на заваленную мусором *гулли*¹⁹. В дверной проем вывалилась мужская фигура и побрела прочь, пошатываясь и не оглядываясь. Дверь захлопнулась, и переулок вновь погрузился в темноту. Я пошел дальше, к другой двери, что в сотне ярдов отсюда.

Постучал дважды, подождал. Приоткрылась щель, ровно настолько, чтобы на гостя можно было глянуть одним глазом.

¹⁹ Бадья (*хинди*).

- Что вам надо?
- Меня прислал Лао Инь.
- Вы кто?
- Друг.
- Подождите.

Дверь закрылась. Я ждал.

Я никогда не видел Лао Иня, но, как и большинство служащих Имперской полиции, слышал о нем. Ходили слухи, что он член Красной банды, шанхайской преступной организации, которая специализируется на торговле опиумом, проституции, азартных играх и вымогательстве. С таким послужным списком неудивительно, что он обладал и определенным политическим влиянием. В Калькутте Лао Инь управлял производственной частью опиумного бизнеса, и его имя открывало многие двери в Тангра, включая, как я надеялся, и эту. Минуту спустя меня впустили, провели по узкому коридору в небольшую комнату, освещенную керосиновыми лампами, где штукатурка хлопьями падала со стен прямо на грязные матрасы, брошенные на пол. Сладкий землистый запах опиума висел в спертom воздухе.

Пару матрасов занимали какие-то восточные люди. Они лежали на боку, один еще затягивался из опиумной трубки, другой уже явно отрубился.

Вошла старуха-китайка. Судя по морщинам, я решил, что ей далеко за восемьдесят, но двигалась она шустро.

Она улыбнулась, указывая на пустой матрас.

– Ложиться, пожалуйста, – ласково сказала она. – Я принести *афшим*²⁰.

Я прилег, опустил голову на гладкую фарфоровую подушку и подождал, пока старуха вернется с подносом: трубка, лампа, сырой опиум и все, чтобы приготовить себе О.

Я попытался расслабиться, а она уселась на полу скрестив ноги и принялась за работу, согревая шарик опиума на трепещущем пламени свечи. Одно только появление О рядом со мной, кажется, облегчало симптомы. Старуха разминала и вытягивала вязкий комочек, я смотрел, почти загипнотизированный. Нагретый шарик размягчился, стал вязким, потом начал источать пары. Она уложила опиум в чашечку трубки и протянула мне. Я затянулся. Струйки О творили чудо, просачиваясь сначала в мои легкие, а потом, по капиллярам, прямо в кровь. Я слышал, как хрустнули кости старухи, когда она встала, затем звук шагов. Я затянулся еще раз, и еще, в носу зачесалось, и миллионы нервных окончаний в моем теле словно вспыхнули в унисон друг другу. Я закрыл глаза, и мир мало-помалу сжался до пространства внутри моей головы.

²⁰ Опиум (*урду*).

Шесть

Суббота 19 июня 1920 года

Еще один бессмысленно удушливый день – облачно, но знойно. «Калькутская погода», как говорят здесь. Близился сезон дождей, это ощущалось в воздухе, но в облаках еще случались просветы. Мы с Несокрушимом ехали на «волсли» по понтонному мосту через реку.

Наша цель, отель «Йес Плиз», притон без всяких звезд, располагался на мощеной улице, утратившей половину своих булыжников. Этот район в двух шагах от станции Ховрах пользовался популярностью у стесненных в средствах приезжих туземцев, которым нужно было ненадолго остановиться в городе. Улица состояла сплошь из ночлежек и сомнительных харчевен, и «Йес Плиз» на их фоне выглядел на голову роскошнее прочих заведений – у входа стоял какой-то куст в кадке, а над дверями висела вывеска, которую все еще можно было прочесть.

Припарковав «волсли» на улице, мы двинулись ко входу в отель. В воздухе омерзительно воняло аммиаком и экскрементами, что свидетельствовало о наличии кожевенной мастерской с наветренной стороны. На террасе дома напротив сидела куча китайцев, всецело поглощенных игрой в восточный вариант домино. Их присутствие подтвердило то, что уже учуяли мои ноздри. В Калькутте всегда так: где кожевенная мастерская, там и китайцы. У них негласная монополия на торговлю кожей, поскольку местные, по большей части индуисты, ни за что не стали бы забивать корову, да и их соседям, мусульманам, эта идея тоже не казалась привлекательной.

По доске, стратегически уложенной над сточной канавой, мы с Несокрушимом перебрались ко входу в отель, поднялись на несколько ступеней и оказались в полутемном вестибюле. В углу за стойкой с металлической решеткой сидела пышнотелая тетка средних лет. Тоненькая палочка в металлическом держателе, стоявшая рядом с ней, источала струйку благовония, которая тщетно сражалась со смрадом, проникавшим с улицы.

Она подняла глаза на нас – лунообразное лицо со слегка восточными чертами, как у многих бенгальцев. Темные глаза обведены сурьмой, посреди лба красная точка размером с полпенни.

– Миссис Миттер? – обратился я.

Лицо ее просветлело:

– Да. Вы получили мое сообщение?

– У вас есть сведения о местонахождении человека, которого мы разыскиваем?

– Ха²¹, – кивнула она. – Он снимает у нас номер уже два или три дня. Приехал на Ратхатру, ну, он так сказал. Странно, да? Зачем ехать в Калькутту на Ратхатру, когда настоящий храм Божественного Джаганната находится в Пури?

– Вы уверены, что это он?

– Еще бы, – фыркнула она. – Хотя рисунок в газете никуда не годится. В следующий раз позовите Асита Халдара²² или еще кого из учеников Тагора.

– Когда вы его видели в последний раз?

– Сегодня утром. Когда он возвращался после завтрака. – Дама взмахнула газетой. – У меня газета была открыта как раз на странице с портретом, когда он проходил к себе в комнату.

– На сколько дней он тут остановился?

– Дайте глянуть. – Она нацепила очки, болтавшиеся на цепочке у нее на шее, раскрыла здоровенный гроссбух с обложкой «под мрамор», лежавший перед ней. – Сегодня должен съехать. Чек-аут в одиннадцать.

²¹ Да (бенг.).

²² Асит Кумар Халдар – знаменитый художник бенгальского возрождения, помощник Рабиндраната Тагора.

– Осталось меньше двух часов, – пробормотал Несокрушим.

– В каком он номере? – спросил я.

– Вы кое о чем забыли, инспектор-сахиб, да? – усмехнулась она. – В газете ясно сказано, что за любую информацию, ведущую к поимке преступника, полагается существенное вознаграждение.

– Но мы его пока не поймали, – возразил Несокрушим.

– Он наверху, – огрызнулась тетка. – А в газетах написано про информацию, ведущую к поимке, а не про поимку. Моя информация ведет к этому, нет?

Времени на препирания не было. Кроме того, я понимал, что это бесполезно. Ввязываться в спор с бенгальской женщиной – дело безнадежное.

– Хорошо. – Я вытащил бумажник, извлек десятирупиевую банкноту и сунул ее в щель между решеткой и стойкой. – Так в каком он номере?

Она посмотрела на банкноту так, будто я в нее высморкался.

– Это не похоже на «существенное», сахиб. Что, по-вашему, я могу сделать на десять рупий, купить себе на радостях коробочку *ладу*?²³

– Ладно, – вздохнул я и добавил еще десятку. – Больше у меня нет.

– Жаль. С радостью рассказала бы вам все за шестьдесят.

Я обернулся к Несокрушиму:

– Открывайте кошелек, сержант.

– Но... есть, сэр. – И он со вздохом протянул еще две хрустящие двадчатки.

– Номер двадцать три, – улыбнулась миссис Миттер, смахивая банкноты в карман. – На втором этаже. Ключ нужен?

– Если не придется доплачивать, – пробурчал Несокрушим.

– Да, пожалуйста, – сказал я, и она протянула связку.

С ключами в руках я направился к лестнице, Несокрушим шел следом, на полшага сзади.

* * *

Мы осторожно прокрались по коридору второго этажа, скудно освещенному окном в дальнем конце. Номер 23 располагался примерно посередине. Я вытащил револьвер, Несокрушим, опустившись на колено, тихонько вставил ключ в замочную скважину. Едва он начал его поворачивать, прогремел выстрел. Пуля проделала дыру в двери всего в футах над головой сержанта. Он рухнул на пол, и ключи вместе с ним. Я отшатнулся, взвел револьвер и прицелился.

– Полиция! – проорал я. – Открывайте!

Один за другим грохнули два выстрела, продырявив дверь еще в двух местах и осыпав нас дождем щепок. Я нырнул в укрытие.

Из комнаты донесся скрежет отодвигаемой мебели, потом запах гари.

– Что он там делает? – удивился Несокрушим.

– Уничтожает улики либо пытается спалить к чертям все заведение. Ты знаешь, что делать, – рявкнул я и бросил ему свой револьвер.

Сержант кивнул, а я, выскочив из относительно безопасного угла за стеной, попробовал выбить дверь плечом, но только ушиб плечо. И тут же очередная пуля пробила дверь в нескольких дюймах от моей головы. Я скользнул обратно за стену и приготовился ко второй попытке.

– Постойте, сэр! – крикнул Несокрушим. – Дайте я еще раз попробую отпереть!

Он перебрал мне револьвер, подхватил с пола ключи и подполз на животе к двери. Запах гари усиливался. Несокрушим приподнялся, вставил в скважину ключ, повернул его со щелчком и прижался к полу, но выстрела не последовало. Мы переглянулись. Я кивнул,

²³ Сладкое печенье из нутовой муки с пряностями.

сержант осторожно потянулся к дверной ручке, нажал. Я пинком распахнул дверь и тут же пригнулся. Чуть подавшись вперед, осмотрел комнату: кровать, стол, деревянный *алмирах*²⁴, горящее мусорное ведро. И никаких следов подозреваемого. В дальнем конце комнаты показывались створки распахнутого французского окна. Я метнулся туда – как раз вовремя, чтобы заметить мужчину, стремительно убегающего по балкону, который тянулся вдоль всего здания.

– Погаси огонь! – крикнул я через плечо и бросился в погоню.

Подозреваемый добежал до конца балкона, рукояткой револьвера расколотил такое же французское окно и нырнул в другую комнату. Я опоздал и заметил лишь, как он скрылся в дальнем коридоре. Я пальнул вдогонку, больше от досады, чем в надежде попасть, и помчался следом – в коридор, потом по лестнице вылетел на крышу, отстав от беглеца всего на дюжину шагов.

Мужчина добежал до края, явно собираясь перепрыгнуть на другую крышу, но натолкнулся на трехфутовое ограждение из колючей проволоки, отделявшее гостиницу от соседнего здания.

Тупик.

Он обернулся, и я наконец рассмотрел его лицо. Это был человек, стрелявший в принца. Та же борода, те же безумные глаза, те же отметины на лбу.

– Брось оружие и подними руки! – крикнул я, целясь ему в грудь.

Взгляд мужчины метнулся влево, вправо в панических поисках выхода. Затем, не выпуская револьвер, он медленно поднял руки.

– Я сказал – брось оружие!

Он будто только сейчас заметил, что держит в руке.

Внезапно глянул на меня, улыбнулся, поднес револьвер к виску и выстрелил.

Рискованная затея. Покончить с собой, стреляя себе в голову, гораздо труднее, чем кажется. Череп очень крепок, иногда можно просто покалечиться, снеся себе половину черепной коробки, а мозгу хоть бы что. Но парню повезло. Он был мертв, еще не успев упасть наземь.

Я подошел, наклонился к нему, прижал пальцы к шее. Потом подобрал валявшийся рядом револьвер.

– Вы застрелили его? – выдохнул возникший за моей спиной Несокрушим.

– Он сам застрелился, – ответил я, выпрямляясь.

– Но почему?

– Полагаю, решил, что лучше умереть от пули в голову, чем в петле палача. Убийство королевской особы – очень серьезное обвинение...

– А нам что теперь остается?

– Не знаю, – медленно проговорил я, осматривая револьвер самоубийцы. Старинная вещица с барабаном всего на пять патронов и встроенным спусковым механизмом. – Нам нужно было допросить его. Увы, мы по-прежнему ничего не знаем о том, кто он и какие у него были мотивы. Будем надеяться, что обнаружим что-нибудь в его комнате. Тебе удалось потушить огонь?

– Да, сэр, – поморщился Несокрушим. – Но не уверен, что успел спасти хоть что-нибудь.

* * *

Здание вскоре заполнили одетые в форму сотрудники полиции Ховраха. Они накрыли тело убийцы и подготовили его к перевозке в морг медицинского колледжа, где он, вероятно, будет лежать рядом с телом человека, которого застрелил менее суток назад. Очередное доказательство того, что у вселенной есть таки чувство юмора.

²⁴ Массивный шкаф без ножек.

Мы с Несокрушимом вернулись в номер убийцы, поискать, что могло бы пролить свет на его личность. Отпечатки пальцев позже будет снимать специальная группа, а мы вдвоем начали перебирать немногочисленные пожитки покойного. Комната была обставлена спартански, алмирах закрыт, кровать застелена. Если бы не обгоревшая бумага в мусорном ведре и дверь, напоминавшая теперь швейцарский сыр, вы с трудом догадались бы, что здесь вообще кто-то жил.

Несокрушим раскрыл алмирах. В углу валялся маленький шафранового цвета узелок, привязанный к длинной бамбуковой палке. Несокрушим перенес его на узкую кровать. Развязав узел, расправил ткань и разложил содержимое.

Пара белья, рубаха, немножко бетеля, маленький шарик чего-то похожего на сырой опиум и тоненький буклет, напечатанный на каком-то восточном языке. Парень явно предпочитал путешествовать налегке. Я бегло пролистал брошюру, прежде чем передать ее Несокрушиму.

– Что думаешь об этом?

Несокрушим очень внимательно изучал текст, а я воспользовался моментом и незаметно прикарманил опиум.

– Я, если честно, не специалист, – сказал он наконец, – но смахивает на санскрит. Может, это какой-то религиозный трактат.

– Неужели? – фыркнул я. – Ты же брамин. И не можешь прочесть?

– Я не очень хороший индуист, – парировал он. – Потому и пошел служить в полицию.

Я поднял обгоревшее ведро, водрузил его на стол. Одним пальцем пошевелил то, что прежде, вероятно, было стопкой бумажных листов. Сейчас осталась лишь кучка пепла.

– Что бы он ни жег, он сделал это тщательно, – размышлял я вслух. – И уничтожил практически все.

– Может, и не все... – возразил Несокрушим.

Встав на четвереньки, он забрался под стол. Вытащил что-то и положил передо мной. Обрывок бумаги, похоже на оторванный край газеты. Он мог валяться там давным-давно, а мог, что более вероятно, упасть на пол, когда убийца швырял улики в ведро. Я внимательно осмотрел находку. Сторона с напечатанным на ней восточным текстом измазана чем-то жирным. Шрифт не такой, как в брошюре, и хотя я не слишком силен в индийских языках, это был точно не бенгали – нет характерных острых углов и прямых линий. И не хинди. Знаки более округлые, с завитушками и загогулинами. Я перевернул листок: такие же странные символы, как будто надпись над картинкой. Трудно сказать определенно, это ведь только обрывок, оторванный уголок целого газетного листа. Однако среди непонятных значков чужого языка я нашел то, что сумел разобрать, – английские буквы «НГЕР 99К». Никакого смысла. Остальное было оборвано и, вероятно, поглощено пламенем.

– Может, с этим сумеете разобраться, достопочтенный? – передал я обрывок Несокрушиму.

Он покачал головой:

– Похоже на какой-то южноиндийский язык, сэр.

– А на обороте?

– Что-то напоминает. Но не могу вспомнить, что именно.

– Очень полезные сведения, сержант, – вздохнул я. – А что насчет жирного пятна?

Брови сосредоточенно нахмурились.

– Мазут?

– Понюхай.

Он поднес бумажку к носу.

– Какая-то смазка. Пахнет как та, которой мы смазываем револьверы. Оружие у вас, сэр?

Я протянул ему револьвер. Он открыл патронник, потянул носом, кивнул.

– Возможно, револьвер протирали этой бумагой.

– Не протирали, – возразил я. – Заворачивали.

– Что?

– Думаю, оружие было завернуто в газету, от которой оторван этот клочок.

– Зачем монаху заворачивать оружие в газету? – удивился Несокрушим. – Чтобы не запачкать одежду?

– Голова и тело этого парня были измазаны пеплом. Он не производил впечатление человека, помешанного на чистоте подштанников.

Но возражение Несокрушима было справедливо. Зачем заворачивать револьвер в газету? И почему убийца задержался в городе после выполнения своей миссии? Хорошие вопросы. И у меня нет на них ответа.

Из коридора донеслись стоны и завывания, а мгновением позже в дверях возникла облаченная в сари фигура миссис Миттер.

– Великий Рама! – возопила она. – Вы только посмотрите на этот ужас! Кто заплатит мне за ремонт?

– Вы же получили вознаграждение, – дерзнул намекнуть Несокрушим.

– Вы с ума сошли? Да тут ущерба больше чем на двести рупий. Гляньте на дверь... А мебель! И с чего это вы жгли костер в моем ведре?

– Это дело рук вашего постояльца, – сказал я.

– А где же он сам?

– Можно сказать, съехал пораньше.

– Кто-то должен заплатить за все это, – решительно заявила хозяйка, обводя рукой место побоища.

– Вот что я вам скажу, миссис Миттер, – примирительно проговорил я. – Давайте так: вы помогаете нам опознать этого человека, а я попробую устроить, чтобы ваши требования компенсации были удовлетворены.

– Вы хотите знать его имя?

– Для начала.

– Оно записано в книге регистраций. Он записался, когда заселялся. Сейчас принесу. – Еще раз напоследок окинув отчаянным взглядом комнату, она спустилась в лобби.

Я вышел на балкон, закурил. Внизу двое полицейских санитаров переносили в карету «скорой помощи» тело убийцы, накрытое белой простыней. Несокрушим встал рядом со мной.

– Я хочу, чтобы установили личность этого человека, – сказал я. – Имя, которое записано в книге регистраций, наверняка фальшивое. Но все же проверь.

– Есть, сэр.

– И отправь криминалистов в морг, снять его отпечатки.

Если верить Несокрушиму, именно в Калькутте родилась современная наука исследования отпечатков пальцев. Он утверждал, что совершили это открытие два бенгальца – один индуист, второй мусульманин. Разумеется, изобретенная ими система классификации носила имя их начальника Эдварда Генри. Босс сделал карьеру, получив рыцарский титул и место комиссара Скотланд-Ярда. А что стало с его подчиненными, мне было неизвестно.

Миссис Миттер вернулась с громадным тяжеленным гроссбухом. Нацепив очки, принялась листать страницы.

– *Ха, еи-тхо*²⁵, – вскинула она взгляд. – Вот. – И передала мне книгу, указывая пальцем нацарапанное чернилами имя. *Бала Бхадра*.

– Это бенгальское имя? – спросил я.

Она в ответ насмешливо фыркнула:

²⁵ Да, вот оно (*бенг.*).

– А спросите у своего приятеля.

Я повернулся к Несокрушиму.

Он покачал головой.

– Балабхадра – брат Божественного Джаганны.

Семь

– То есть вы позволили ему застрелиться?

Час спустя мы вновь были в кабинете лорда Таггерта. И все усилия по выслеживанию убийцы нисколько не реабилитировали нас в глазах комиссара.

– Довольно трудно было остановить его, сэр, – ответил я, – учитывая, что у него в руках был заряженный револьвер.

На самом деле я был рад, что он выстрелил в себя, а не в меня.

– Вы уверены, что это тот самый человек, который убил наследного принца?

– Да, сэр. Его оружие проверяют сейчас. В течение двадцати четырех часов мы точно будем знать, из этого ли револьвера произведен роковой выстрел.

Комиссар помолчал, обдумывая мои слова.

– И нет никаких оснований предполагать более широкий политический контекст?

– Мы не имеем возможности узнать, было ли это нападение разгневанного фанатика-одиночки или начало чего-либо более серьезного, сэр.

Таггерт снял очки, устало потер переносицу.

– Есть идеи, джентльмены?

Я ждал этого вопроса, что никак не помогало найти ответ. Идеи у меня имелись, но не более чем предположения, допущения и смутные догадки – и ничего сколько-нибудь убедительного. В то время как лорд Таггерт желал слышать ответы, и моя работа состояла в том, чтобы их предоставить.

– У нас есть несколько предположений, сэр, но ничего конкретного.

– Ну рассказывайте.

– Во-первых, и на данной стадии расследования это самая вероятная версия, – убийца был религиозным фанатиком, имевшим зуб на наследного принца. Проблема в том, что мы не знаем причины преступления.

– А кто может знать, что в головах у религиозных фанатиков? – фыркнул Таггерт. – Потому их и называют фанатиками. Кроме того, сам факт, что он застрелился, отчасти предполагает, что у него точно не все было дома, Сэм.

Несокрушим деликатно кашлянул.

– Хотите что-то добавить, сержант? – обернулся к нему Таггерт.

– С вашего позволения, сэр, есть некоторые... проблемы с этой теорией.

– Например?

– Несколько фактов, сэр. Когда его загнали в угол, убийца, перед тем как попытаться бежать, сжег в мусорном ведре какие-то документы. Вероятно, уничтожал улики. Их уничтожение предшествовало попытке бегства, что предполагает наличие тайной организации.

Таггерт задумался.

– Вы спасли документы?

– Нет, сэр. К тому моменту, как мы появились в комнате, они уже обратились в пепел.

– Итак, на данном этапе ваша теория есть чистый домысел?

– Да, сэр.

– Есть еще письма, сэр, – добавил я. – Те самые, которые принц хотел нам показать.

– Вы сумели их заполучить? – оживился комиссар.

– К несчастью, нет, сэр. Мы обратились к дивану и адъютанту принца. Даве заявил, что ничего об этом не знает. Адъютант подтвердил, что принц показывал ему письма еще в Самбалпуре, но они были написаны на неизвестном ему языке. Мы попросили разрешения обыскать покои принца, но Даве отказал нам в этом. Он был неумолим: апартаменты в отеле – суверенная территория Самбалпура.

– То есть писем у вас тоже нет, – проворчал комиссар. – Вице-король чрезвычайно обеспокоен всей этой историей. Ничто не должно поставить под угрозу срыва идущие нынче переговоры. Учитывая деликатность вопроса, вы должны представить нечто большее, чем корзину, полную пепла, если мне придется просить не закрывать дело.

– Есть кое-что, сэр, – сказал я. – В номере убийцы мы нашли обрывок газетной страницы. Со следами ружейного масла. Мы думаем, в эту газету заворачивали револьвер.

– И?

– Думаю, это была посылка, сэр. Некто доставил убийце оружие именно для этого покушения. Обязательно нужно продолжить расследование.

Комиссар вздохнул:

– Этого недостаточно, Сэм. Вице-король хочет, чтобы следствие поскорее закончилось. Если вы не представите конкретных доказательств, тогда – есть у вас зацепки или нет – я буду вынужден закрыть дело.

* * *

Мы молча побрели обратно в мой кабинет.

Зацепки.

Комиссар произнес это слово пренебрежительно – как будто письма и другие указания на наличие заговора можно просто выбросить из головы.

Но я не мог просто так взять и забыть; они засели у меня в голове, как камешек в ботинке. Они преследовали меня так же навязчиво, как алкоголика тоска по выпивке. Потому что мне казалось, что за ними стоит невысказанная правда и, более того, попранная справедливость.

А я всегда стремился к справедливости. Всегда, но особенно после войны. Она научила меня только одному: в этом мире очень мало справедливости, и все, что я могу сделать для достижения ее, видимо, хорошо.

– Ладно, – изрек я, усаживаясь на свое место. – Человек хочет конкретных фактов. Значит, предоставим их.

Выдвинув ящик стола, я вытащил папку с обрывком газеты и памфлетом, в котором Несокрушим заподозрил религиозный трактат.

– Мы должны это перевести, – объявил я.

Несокрушим уставился на клочок газеты – сторону с картинкой и английской надписью «НГЕР 99К».

– Можно взглянуть, сэр?

Я протянул ему газету.

– Я знаю, что это! – вдруг воскликнул он, просяя, как француз в винном погребе. – Я ведь был уверен, что видел это раньше.

– И?

– Это реклама швейных машин, сэр. А конкретно, модели «ЗИНГЕР 99К». – И тут же лицо его потускнело. – Не уверен, что это может нас куда-то привести.

– Почему бы и нет... – задумался я.

Нашу беседу прервал стук в дверь. Несокрушим открыл. Перед ним навтыжку стоял наш *неон*²⁶ Рам Лал. Третий калач лет шестидесяти, седой, небритый, сутулый – такая сутулость приобретается, если всю жизнь сидишь на табуретке в ожидании вестей, которые нужно доставить. Несмотря на долгие годы службы, Рам Лал так и не освоил толком английский, и мои разговоры с ним обычно скатывались в трясину пиджин-бенгали, языка жестов и изрядной доле криков и тыканий пальцем.

²⁶ Вестовой в отделении полиции в Индии.

– Инспектор капитан сахиб, – отсалютовал он. – *Бумаика* прибыл. – И пеон вручил мне маленький белый конверт. Ни штемпеля, ни марки. Я вскрыл письмо. Внутри два листка бумаги, на них несколько строчек, написанных синими чернилами. Буквы непонятные, для меня полная тарабарщина, но я знал, где уже видел точно такие же, – на обрывке газеты с рекламой «Зингера».

– Знаешь, что это такое? – передал я листки Несокрушиму.

– Предостережения, которые посылали принцу Адиру? – просиял он. – Может, боги благоволят нам?

– Кто дал тебе это? – спросил я пеона.

– *Киш*?²⁷

– У меня нет на это времени, – вздохнул я. – Несокрушим, спроси его на бенгали.

– *Ке томаке еита дило*?²⁸

– Дежурный сержант.

– Ступай поговори с дежурным сержантом, – велел я Несокрушиму. – Выясни, кто это принес.

Сержант, кивнув, двинулся к дверям, пеон засеменял следом.

Некоторое время я рассматривал клочок с рекламой швейной машины, затем снял трубку телефона. Сделал несколько звонков, чтобы получить нужный мне номер, но у меня было предчувствие: немножко везения, обрывок газеты вкупе с присланными листками, которые, как я подозревал, были письмами, полученными принцем накануне гибели, – и, возможно, этого будет достаточно, чтобы убедить комиссара не закрывать дело.

* * *

Несокрушим вернулся через десять минут в сопровождении констебля из местных – парня с копной черных волос и щетинистыми усами.

– Это не дежурный сержант, – заметил я.

– Нет, сэр. От дежурного сержанта было мало толку. Письмо доставил какой-то оборванец, которому, наверное, заплатили несколько *анна*²⁹ за услугу. Это констебль Бисуол, он из Бхубанесвара. Думаю, он может помочь нам перевести письма, сэр.

– Отлично. – И я протянул конверт констеблю. Он вытащил листочки, быстро прочел, кивнул.

– Ория, – сказал он.

– Язык Ориссы, – пояснил Несокрушим. – На нем говорит большинство населения Самбалпура.

– Большинство населения?

– Простой народ. Как и утверждал полковник Арора, при королевском дворе на нем не говорят.

– Вы можете это перевести? – обратился я к констеблю.

– Да, сэр, – улыбнулся он. – В обоих письмах одно и то же: «Ваша жизнь в опасности, уезжайте из Самбалпура до двадцать седьмого дня Ашада».

– Когда это?

– Вчера, – ответил Несокрушим.

²⁷ Какие? (бенг.)

²⁸ Кто тебе это дал? (бенг.)

²⁹ Разменная индийская колониальная монета, равная 1/16 рупии.

* * *

Я сидел в кабинете один, когда зазвонил телефон. Этого звонка я ждал – на том конце провода дама по имени мисс Кавендиш из калькуттского офиса компании «Швейные машины Зингера». Поблагодарив за то, что она перезвонила, я спросил:

– Не могли бы вы сказать, в каких газетах, выходящих на языке Ориссы, вы недавно размещали рекламу?

– Это чрезвычайно сложный вопрос, капитан Уиндем, – солидно и чопорно ответствовала она. Даже по телефону можно было учуять запах ее пудры. – Мне нужно связаться с нашим представителем в Каттаке. Могу я перезвонить вам позже?

– Разумеется. Жду с нетерпением.

После чего я согнал Рама Лала с его табуретки в коридоре.

– Найди Банерджи, – приказал я. – Скажи, чтобы пришел ко мне в кабинет.

Он улыбнулся, демонстрируя оставшиеся зубы, закивал головой в этой характерной индийской манере.

– Внизу много Банерджи, сахиб. Какой вы хотите?

– Несокрушим Банерджи. Сержант.

– А, Сурендранатх-бабѳ³⁰, – ухмыльнулся вестовой. – *Тик аче*³¹.

* * *

Несокрушим явился ровно в тот момент, когда позвонила мисс Кавендиш.

– Капитан Уиндем? У меня есть для вас информация. Оказывается, мы размещаем рекламу только в двух газетах, выходящих на языке Ориссы. Боюсь, однако, что произнести их названия мне не по силам. Если хотите, могу прочитать по буквам.

– Да, пожалуйста. – Я схватил ручку и блокнот, пока она медленно выговаривала буквы. Первая газета называлась «Даиник Аша». Услышав название второй, я не смог сдержать довольной улыбки. «Самбалпур Хитеишини».

Самбалпур.

– Когда в последний раз публиковали эту рекламу?

– Это еженедельные газеты. Последний номер вышел в прошлый понедельник.

Я поблагодарил, повесил рубку и передал блокнот Несокрушиму.

Он почитал, усмехнулся.

– Итак, есть вероятность, что убийцу прислали из Самбалпура.

– Похоже, что так, но нужно удостовериться. Пока у нас только догадки. Обрывок газеты, в которую, как мы думаем, завернули то, что мы считаем орудием убийства. Вероятно, газета напечатана в Ориссе, возможно, в Самбалпуре.

– Но вкуче с письмами-предупреждениями ювраджу это ведь определенно указывает на связь с Самбалпуром?

– Мне нужны номера обеих газет за прошлый понедельник, – распорядился я. – Найди эту рекламу и, главное, сравни с текстом на оборотной стороне. Потом выясни, где продают эти газеты. Начни с «Самбалпур как-там-его».

– Хорошо, сэр.

³⁰ Господин, индийский дворянин.

³¹ Хорошо (бенг.).

– А я тем временем, – сказал я, собирая бумаги, – еще раз потолкую с лордом Таггертом. Покажу ему, что мы нашли.

Восемь

– Итак, что вы намерены делать теперь?

Лорд Таггерт из окна своего кабинета любовался небом цвета дредноута.

– Я хочу поехать в Самбалпур.

– Не может быть и речи, Сэм, – резко повернулся он ко мне. – Это не британская территория. Вне нашей юрисдикции.

– Но преступление совершено на подконтрольной Британии территории, сэр. Мы обязаны идти по следу преступника. Если бы след вел во Францию, вы без колебаний отправили бы меня в Париж, рассчитывая как минимум на помощь со стороны Сюрте³².

– Самбалпур не Франция, Сэм. А гораздо хуже.

– Я высоко ценю ваше мнение, сэр, но это крошечное феодальное княжество, наследник престола которого убит. Полагаю, они были бы рады нашей помощи.

– Послушай, Сэм, – вздохнул Таггерт. – Если бы дело было во мне, я запросто отпустил бы тебя. Да, черт побери, я приказал бы тебе туда отправиться. Но тут решает вице-король. Со всей этой кутерьмой вокруг Палаты князей дело приобрело политическое значение. И он хочет поскорее списать его на фанатиков и замести все под ковер.

Это я понимал. Может, вице-король и самая влиятельная фигура в Индии, повелитель сотен миллионов человек, но по большому счету он лишь чиновник, получающий приказы из Уайтхолла³³. Все, что его интересует, это не искать неприятностей на свою задницу и отслужить свой срок генерал-губернаторства так, чтобы краха Раджа не случилось в его правление. Если повезет, через несколько лет его отпустят, а потом он получит следующее назначение туда, где туземцы менее беспокойны. В этом суть вице-королей, они могут напяливать на себя мантию небожителей, но на самом деле со времен лорда Керзона для них важно лишь одно: чтобы музыка играла, пока они тут у руля. Никто не хочет, чтобы его запомнили как человека, в чье правление музыка умолкла, – как человека, который потерял Индию. Но меня это не касается. У каждого свои цели. У вице-короля – избегать всего, что может пошатнуть трон; у меня – докопаться до истины, и я не собирался отступать сейчас только потому, что результат может не понравиться вице-королю.

– Есть и другой путь, сэр...

* * *

В дверь постучали, и на пороге кабинета лорда Таггерта возник Несокрушим, похожий на провинившегося школяра, которого вызвали к директору.

Комиссар вскинул голову, взял со стола очки.

– Сержант Банерджи, прибыл по вашему приказанию.

– Так-так, – проговорил Таггерт, разглядывая Несокрушима поверх очков. – Отлично, входите, мальчик мой, – и указал на стул рядом со мной. – Итак, сержант... – Таггерт демонстративно просматривал бумаги, лежавшие перед ним. – Насколько я понимаю, вы были близким другом покойного принца Самбалпура.

– Не могу сказать, что близким, сэр. Он дружил с моим братом.

³² Сюрте (*фр. Sûreté*, «безопасность») – разговорное название французских спецслужб с 1811 по 1969 год.

³³ Уайтхолл (*Whitehall*) – улица в Лондоне, нарицательное обозначение британского правительства.

– Нет, сержант, – продолжал Таггерт, – вы были *близкими* друзьями. *Очень* близкими. Именно поэтому я считаю вполне обоснованным тот факт, что вы будете сопровождать тело принца в Самбалпур в качестве представителя Имперской полиции.

– Я, сэр? – ахнул Несокрушим.

– Совершенно верно. Капитан Уиндем сообщил мне, что желал бы поехать с вами, но абсолютно неофициальным порядком.

– Я поеду в отпуск, – вставил я.

– Это вполне уместно, – заключил комиссар. – Учитывая, что вы оба сыграли важную роль в поимке преступника. Но официальным представителем власти будете являться вы, сержант, а не капитан. Следует подчеркнуть, что вы присутствуете там исключительно с целью выражения почтения и скорби со стороны властей, а не с целью, позвольте подчеркнуть это еще раз, расследования дела. Это понятно, сержант?

Сержант нервно сглотнул.

– Но капитан Уиндем старше по званию, сэр. Наверное, он должен быть официальным представителем?

– Как я уже сказал, вы были другом принца, поэтому вам и следует быть представителем. Кроме того, я гораздо больше полагаюсь на вас, чем на капитана, в части выполнения моих указаний. И повторяю: вы ни в коем случае не рассматриваете это поручение как продолжение расследования дела об убийстве принца. Я достаточно ясно выразился, сержант?

– Так точно, сэр. Абсолютно ясно, сэр.

* * *

– Значит, в отпуск? – хмыкнул Несокрушим.

Мы вернулись ко мне в кабинет, я уселся за стол, а Несокрушим расхаживал передо мной, как рассудительный папаша.

– Всегда мечтал увидеть Самбалпур, – с готовностью подтвердил я.

– Да вы вообще не слышали об этом месте еще два дня назад, сэр. Вы еле нашли его на карте.

– Да ладно тебе, Несокрушим, – делано обиделся я. – Если я не учился в Кембридже, это не значит, что я не имею представления о географии. В общем, надеюсь, ты уже примеряешь на себя роль официального представителя королевской полиции.

– Официальный представитель... – Несокрушим покатал слова во рту, словно пробуя их на вкус. – Официальный представитель, – повторил он и тряхнул головой.

– Это большая честь, – сказал я. – Матушка будет тобой гордиться. Может, позвонить ей и сообщить добрые вести? Ведь сын – официальный представитель сможет привлекать девушек иного калибра, не то что простой сержант, не говоря уж о том, чтоб рассчитывать на гораздо более внушительное приданое. Разыграй эту карту, и, возможно, никогда больше не придется работать... Впрочем, тебе и сейчас нет нужды работать.

Он недоуменно уставился на меня.

– Я все еще не понимаю, почему комиссар выбрал меня. – Лицо сержанта выражало смтение и испуг. – Вы же не против, правда, сэр?

– Разумеется, нет, – успокоил я.

Таггерту придется докладывать вице-королю, а после неприятного осадка от дела Сена³⁴ следует честно признаться: этот человек не был уверен, что я готов всем сердцем выступать на его стороне. Любое упоминание о моей поездке в Самбалпур прозвучало бы для него сигналом

³⁴ История расследования убийства английского коммерсанта рассказывается в романе Абира Мукерджи «Человек с большим будущим» (М.: «Фантом Пресс», 2020).

тревоги. Таким образом, Таггерт мог совершенно искренне сообщить, что эмиссаром полиции туда отправлен Несокрушим, ловко избежав любого упоминания моего имени.

– Ты это заслужил, – подтвердил я.

– Ладно, – сказал он. – Полагаю, мне следует связаться с адъютантом ювradжа и выяснить, каковы планы репатриации тела принца.

– И поскорее, – добавил я. – У меня создалось впечатление, что диван не расположен терять время.

– Думаю, вы намерены продолжить расследование по прибытии, несмотря на то, что сказал комиссар?

– Я слышал лишь, что он приказал тебе не затевать расследования. А про меня он ни слова не говорил. Кроме того, надо же мне чем-то занять себя, пока ты будешь проводить время с махараджей.

– Вы могли бы пригласить с собой в поездку мисс Грант, – предложил Несокрушим.

– Едва ли это уместно, сержант, – ответил я. – Приглашать незамужнюю даму провести со мной отпуск...

Его уши очаровательно заалели.

– Я не имел в виду... Я хотел сказать, что... Вы ведь говорили, что она была знакома с семьей и хотела бы выразить уважение, сэр.

Впрочем, поразмыслив, я решил, что это не такая уж плохая идея. И хотя бы на несколько дней Энни окажется вне навязчивого внимания Чарли Пила, о чем, однако, Несокрушиму знать вовсе необязательно.

– Полагаю, у вас и так достаточно забот, помимо мисс Грант и ее социальных обязательств, – констатировал я. – Приступайте к работе, сержант.

– Есть, сэр. Простите, сэр. – И, щелкнув каблуками, он повернулся кругом.

– Да, Несокрушим, – окликнул я, – не забудь проследить за баллистической экспертизой и выясни, от какой из двух газет был оторван тот клочок бумаги. Ты, может, и официальный представитель полиции при дворе Самбалпура, но от основной работы тебя никто не освобождал.

– Да, сэр, – улыбнулся он.

* * *

Я подождал, пока Несокрушим скроется за дверью, снял телефонную трубку и набрал номер Энни. После необычайно долгой паузы ответил слуга и сообщил, что *мемсахиб* нет дома.

– Передайте ей, что звонил капитан Уиндем и просил перезвонить ему до шести вечера. – Оставив свой номер, я повесил трубку.

Вскоре в дверном проеме появилась голова Несокрушима.

– Выяснилось, что тело ювradжа отправляют на родину сегодня вечером десятичасовым поездом, – доложил он и тут же скрылся.

И, словно прознав об этом, Энни перезвонила через час.

– Чем могу быть полезна, Сэм? – осведомилась она.

Тянуть смысла не было.

– Я звонил, чтобы позвать тебя на несколько дней в Самбалпур. Ты говорила, что хотела бы выразить соболезнования семье принца, а Несокрушим как раз отправляется на похороны в качестве официального представителя полиции.

– А ты?

– А я еду частным порядком. Просто подумал, что неплохо бы отдохнуть от Калькутты. Никогда в жизни не видел дворца махараджи. Говорят, некоторые из них довольно изысканны.

– И твоя поездка не имеет никакого отношения к расследованию убийства Адир, верно?

– У меня нет полномочий в данном княжестве.

– Это не ответ, Сэм.

– Именно ответ.

Последовало долгое молчание, нарушаемое лишь потрескиванием на телефонной линии и звуками улицы, доносящимися из моего окна. Я вдруг весь взмок, и вовсе не от жары.

– Значит, ты хочешь, чтобы я составила тебе компанию в поездке в Самбалпур? – наконец произнесла она. – А ты не слишком торопишься?

– Ты вовсе не составляешь компанию мне, – возразил я. – Ты друг семьи и едешь туда по личным причинам. Мы просто попутчики. Что скажешь?

– Когда ты уезжаешь?

– Тело принца отправляют на родину сегодня вечером. Поезд отходит от вокзала Ховрах в десять.

– А заранее предупредить девушку ты не пожелал, Сэм?

– Подумал, что после времени, проведенного в обществе такого типа, как Чарли Пил, ты оценишь элемент неожиданности, – пошутил я. – Он наверняка прислал бы уведомление за две недели и потребовал письменного ответа в трех экземплярах.

– Очень смешно.

– Так ты поедешь?

Вновь воцарилось молчание, я слышал, как сердце бухает у меня в груди.

– Теперь вам просто нужно подождать и посмотреть, что будет, да, капитан Уиндем? Но мой вам совет...

– Да?

– Не обольщайтесь.

Девять

В тот вечер первые обильные капли упали из низко летящих туч. Вспышки молний процарапали небо.

Муссоны – это не просто ветра, приносящие дожди. Они поддерживают жизнь, сулят новое рождение, дарят победу над зноем и засухой. Спасители страны, истинные боги Индии.

Ливень уже вызревал, приближался исподволь. Короткие стаккато дождей, которые всегда предшествуют ему, уже стучали временами, а барометр, термометр и анемометр дружно указывали, что вот-вот – и он станет реальностью. По крайней мере, у местных не было никаких сомнений. Они выбежали на улицу и запрокинули головы к небу.

Дождь пошел сильнее; когда поднялся ветер, раскачивающий деревья и несущий запах бархатцев, раздался грохочущий удар по крышам.

Как рассказать, что такое муссон, человеку, никогда не переживавшему его? Когда выходишь из-под крыши и дождь падает стеной – сплошная пелена воды, которая обрушивается внезапно и висит часами. За несколько секунд тебя хоть выжимай.

Несокрушим казался необычайно воодушевленным.

– Начинать путешествие в дождь – хорошая примета, – объявил он. – Во всяком случае, мой отец так думает. Он говорит, так боги улыбаются нам.

– Уверен, что не смеются над нами? – уточнил я. – Ты же вроде говорил, что отец не слишком религиозен?

– Он – нет, – загадочно ответил Несокрушим.

Короткой перебежки от террасы к ожидавшемуся такси оказалось достаточно, чтобы мы промокли насквозь.

– Вокзал Ховрах, – сказал я.

– Ха, сахиб, – кивнул шофер. Мотор заурчал, и мы ринулись сквозь бурю в сторону реки.

* * *

Перебраться через Ховрах-бридж и в лучшие времена было нелегко. Сегодня же вечером картина напоминала иллюстрацию отступления Наполеона из Москвы. Люди, животные и разномастные транспортные средства загромодили узкий проход. Здесь теснились запряженные волами телеги, повозки, груженные тяжелым от сырости товаром, вымокшие до нитки крестьяне в *лунги*³⁵, с небрежно покачивающимися корзинами на головах; полуголые кули толкали ветхие тележки, заваленные всяким добром, отвоевывая себе кусочек пространства среди грузовиков и омнибусов. Все стремились к одной цели – громадному зданию на другом берегу, освещенному фонарями и похожему скорее на римскую крепость, чем на железнодорожную станцию.

Наше такси медленно ползло по мосту, молнии сверкали все ближе. По обе стороны от моста флотилия маленьких лодчонок и пароходов бороздила русло между Армянским Гхатом и паромным причалом на противоположном берегу.

Мы прибыли в Ховрах, когда часы на станционной башне пробили половину десятого. Такси остановилось, тут же подскочил кули в красной рубаше, распахнул дверцу. Усталое лицо его было серым и небритым, на голове торчал грязный белый тюрбан.

– Я отнесу ваш багаж, сахиб?

– Сколько?

³⁵ Традиционная одежда, длинная юбка.

– Восемь анна.
– Дорого. Четыре.
– Шесть, – парировал он, отбирая у меня чемодан. – *Кон платформ?*³⁶
– Платформа один, – сообщил вылезший из такси Несокрушим.
– *Платформ* один, очень хорошо, сахиб, – повторил кули, повернулся и юркнул в толпу пассажиров, водрузив наши чемоданы себе на голову.

* * *

Пройтись по вокзалу Ховрах все равно что посетить Вавилон перед тем, как Творец решил оспорить строительные проекты тамошних жителей. Под закопченной стеклянной крышей собрались все народы мира. Белые, цветные, с Востока, из Африки; одни толкались локтями у касс, пока другие – крестьяне, паломники, солдаты и мелкие чиновники – пробивались к платформам, разыскивая поезда до вожденного пункта назначения. Вокзал Ховрах – точно не место для слабых духом.

При желании белый человек может прожить в Калькутте в роскошной изоляции, вообще не сталкиваясь с представителями местного населения, за исключением своей прислуги. Но вокзал Ховрах – это как водопой в саванне, где поневоле теснятся бок о бок все звери от мала до велика, единственное место в городе, где англичанин вынужден в силу необходимости столкнуться с Индией во всей ее первозданности.

Здесь воняло рыбой, едой, мокрой одеждой и паровозным дымом. Поверх всего разносился хор голосов лоточников, расхваливающих свой товар. Вопли «*Комла, лебу*»³⁷ и «*Горром ча*»³⁸ конкурировали с объявлениями из станционных репродукторов – важная информация звучала на английском и бенгали, и на обоих языках невразумительно.

Первая платформа, с которой обычно отправлялись поезда для богатой публики, располагалась слева от перрона; отгороженная бархатными шнурами и медными стойками. Здесь, в оазисе спокойствия в этом бурном водовороте, уже ждали пассажиров красавец-локомотив и шесть зеленых с золотом вагонов с гербом Самбалпура на каждом – прыгающий тигр и корона.

Под отрывистые команды офицера-англичанина траурная процессия из сипаев в парадной форме, с гробом на плечах, торжественно шествовала сквозь толпу от здания вокзала. По бокам от гроба, покрытого флагом Содружества и гирляндами цветов, шли Даве и полковник Арора.

По пути продвижения процессии шум стихал, люди прикладывали ладони ко лбу в знак почтения к умершему. Толпа чуть расступилась, и вдруг я заметил человека в гражданской одежде – и похолодел. Наряд он, может, и сменил, но эти усы и трубку, прочно устроившуюся в углу рта, ни с чем не спутаешь. Майор Доусон, глава подразделения «Эйч» и руководитель военных разведывательных операций в Бенгалии. Ну, по крайней мере, я предполагал, что именно он руководит. Когда дело касается тайной полиции, трудно сказать наверняка, кто у них там главный. Насколько мне было известно, всем заправлял Доусон, тем удивительнее видеть его здесь, наблюдающим за траурной процессией.

Он меня не заметил, и к лучшему. Отношения у нас были сложные. Он подозревал меня во вмешательстве в дела подразделения «Эйч», а я его – в попытке убить меня, как минимум один раз. Если он засечет, как я сажусь в поезд, можно смело держать пари, что вице-король узнает об этом еще до отхода ко сну, а это наверняка создаст определенные проблемы для лорда

³⁶ Какая платформа? (хинди)

³⁷ Апельсины, лимоны (бенг.).

³⁸ Горячий чай (бенг.).

Таггерта, учитывая, насколько скрупулезно он избегал в своем докладе любого упоминания о моем участии в этой небольшой экскурсии в Самбалпур.

Я пригнулся и потянул Несокрушима за рубаху. Он сердито обернулся, вероятно решив, что кто-то норовит залезть к нему в карман. Вполне разумное предположение, вообще-то. На вокзале Ховрах за день вытаскивали из карманов больше денег, чем из банков Калькутты за целый год. Но когда он увидел меня, выражение лица изменилось.

– С вами все в порядке, сэр?

– Доусон, – прошипел я, тыча пальцем в офицера разведки.

Несокрушим обернулся и тут же присел на корточки.

– Что он тут делает?

– Хороший вопрос.

– Он в штатском. Думаете, куда-то едет?

– Не сомневаюсь, что он направляется в отпуск, сержант, но что бы он ни замышлял, будет крайне неловко, если он обнаружит меня здесь. Ты должен отвлечь его, пока я не проскользну в вагон.

– Что я ему скажу?

– Уверен, что-нибудь придумаешь.

Несокрушим судорожно сглотнул.

– Хорошо, – кивнул он, выпрямился и решительно направился сквозь толпу напрямик к майору. Оказавшись в десяти футах от него, попытался привлечь внимание: – Послушайте, майор Доу...

На середине фразы его прервал крестьянин, врезавшийся в сержанта и сбивший его с ног. И как по сигналу подоспела еще одна бандитская рожа. Оба громилы оказались точно между Несокрушимом и майором и разыграли целое представление, помогая сержанту подняться на ноги. Я обернулся взглянуть, как на это отреагировал майор, но он исчез, растворился в толпе. Я не собирался торчать тут, разыскивая его. Поспешно выпрямился и поспешил к платформе номер один.

Десять

Ко входу на платформу я добрался следом за военными. Наш кули уже дожидался там, препираясь с железнодорожным контролером. Кули показал на меня, и контролер наконец-то соизволил его пропустить.

Диван обсуждал что-то с офицером, руководившим переноской гроба. Затем он отдал короткое распоряжение помощнику, тот кивнул, и кортеж направился по платформе к вагону номер пять.

– Господин министр Даве, – окликнул я.

Он обернулся и застыл в ошеломлении, как будто мое появление здесь стало для него пощечиной.

– Капитан Уиндем? Мне не сообщили, что вы сопровождаете нас. У меня сложилось впечатление, что представлять Имперскую полицию будет ваш коллега, сержант Банерджи.

– Совершенно верно, сэр, – сказал я. – Я здесь как частное лицо. Хотел бы выразить свое почтение, присутствуя на похоронах ювраджа.

Он с подозрением сверлил меня взглядом.

– Хорошо, – произнес он наконец. – Полагаю, это вполне уместно. Я знаю, это вы с сержантом Банерджи сумели схватить убийцу ювраджа. Махараджа может пожелать встретиться с вами.

– Ну, мы, во всяком случае, выследили убийцу, – ответил я. – Он предпочел застрелиться, но не быть схваченным.

Даве выдавил кривую улыбку.

– Мне доложили, что это был какой-то религиозный фанатик. Кто знает, что может прийти в голову таким людям?

Я мог бы ответить, что в данном случае этому несчастному пришла в голову пуля из старомодного револьвера, но министр не казался человеком, способным оценить мою догадку.

Даве подозвал полковника Арору, который беседовал с каким-то туземцем в форме, вышедшим из вагона поезда. Полковник прервал разговор и бравым шагом подошел к нам.

– Капитан Уиндем, – приветствовал он. – Рад видеть вас вновь.

– Капитан поедет вместе с нами, – сообщил Даве. – Организуйте для него спальное место, пожалуйста.

– Как прикажете, диван-сахиб. Капитан, прошу вас, пройдемте со мной.

– Итак, вы решили посетить Самбалпур, – сказал полковник Арора, когда мы с ним двинулись дальше вдоль платформы.

– Подумал, будет любопытно увидеть настоящего индийского махараджу в естественной среде обитания, так сказать.

– Да неужели, капитан? – улыбнулся он. – Не мог и предположить, что вы антрополог.

– Я – нет, хотя, признаюсь, в последнее время обнаружил интерес к южноиндийским языкам, чего не подозревал в себе ранее. Так что можно сказать, что я еду в Самбалпур ради удовлетворения любопытства к письменному слову.

– Что ж, надеюсь, вы проведете время максимально продуктивно, – произнес Арора, глядя прямо перед собой.

Полковник остановился у входа в вагон и жестом предложил мне войти.

Я взобрался по стальным ступенькам в тамбур, отделанный панелями из орехового дерева и устланный толстым ковром, что делало его похожим скорее на вестибюль роскошного кинозала.

Безупречно вышколенный проводник в зеленой с золотом ливрее приветствовал нас, сложив ладони в *пранаам*³⁹.

– Давайте найдем вам место, – предложил полковник.

Он обменялся парой фраз с проводником, который после секундного замешательства обернулся ко мне:

– Прошу вас, следуйте за мной, сахиб.

Мы двинулись по коридору мимо отполированных до блеска дверей купе.

– Вам нравится наш поезд, сахиб?

– Ну, он определенно лучше того, что отходит в восемь пятнадцать с Паддингтона, – пошутил я.

Проводник оставил свое мнение при себе.

– Это купе свободно, сахиб. – Он остановился перед очередной дверью и открыл ее. – Вам нужно что-нибудь еще?

– Полагаю, у моего коллеги, сержанта Банерджи, купе тоже в этом вагоне.

– Да, сахиб. Офицер в соседнем купе.

– С нами может быть еще один человек, дама. Ей тоже нужно отдельное купе.

– Я все организую, сахиб.

– И, пожалуйста, попросите сержанта зайти ко мне, когда он сядет в поезд.

* * *

Я закрыл за собой дверь. В купе пахло розовым маслом. У одной стены стояла кровать – настоящая кровать, не вагонная полка. Рядом темно-бордовое бархатное кресло и письменный стол в стиле рококо, со всяческими завитушками, из-за которых казалось, что он слегка подтаял на жаре. Напротив кровати – полированный ореховый платяной шкаф и дверь, которая вела в туалет, укомплектованный мраморной раковиной и таким количеством золотых финтифлюшек, что «Восточный экспресс» на этом фоне выглядел теплушкой для перевозки скота.

А за окном бурлил иной мир. На соседней платформе индийское семейство обустраивало себе временное пристанище. Старший ребенок, девочка лет пяти с волосами, заплетенными в косички, замороженно слушала, как лоточник наигрывает мелодию на свистулке. Младший, полуголый двухлетний мальчишка в черной набедренной повязке и с подведенными *кайал*⁴⁰ глазами, сначала таранился на меня, потом спрятал лицо в складках материнского сари. Я наблюдал, как женщина расстилает циновки и подстилки, на которых будут спать дети. Ее муж тем временем с отчаянием смотрел, как дождь льет с крыши над платформой прямо на затопленные пути.

Я сбросил пиджак на кровать и пошел в ванную комнату умыться. Вода оказалась холодной, по-настоящему холодной, подлинное чудо в Калькутте, а полотенце напоминало облако из аромата сандала.

В дверь постучали, и после приличествующей паузы на пороге появился Несокрушим, выглядевший так, словно продержался три раунда с Джеком Демпси. Щека уже начала распухать, а проволочные очки сидели на лице как-то криво.

– Вы в порядке, сержант? – обеспокоился я, усаживая его в кресло.

– Кажется, да, сэр.

– Прекрасный ход, кстати. Твой отвлекающий маневр отлично сработал. Доусон сорвался, как ошпаренный пес, когда понял, что его засекли. Думаю, он сбежал сразу, как только эти амбалы к тебе привязались.

³⁹ Молитвенно сведенные вместе ладони.

⁴⁰ Сурьма, традиционное средство для подводки глаз.

– Да, сэр, – печально вздохнул сержант. – Очень крупные парни.

Да, таковы местные оперативники подразделения «Эйч». Как правило, это солдаты в штатском, бывшие армейцы, соблазненные обещаниями хорошего жалования и быстрого продвижения по службе. Проблема в том, что здоровяки шести футов ростом из Чандигарха и Лахора не в состоянии незаметно раствориться среди бенгальского населения. Это все равно что внедрять профессиональных кулачных бойцов в компанию жокеев.

Несокрушим снял очки и принялся выпрямлять погнутую оправу. Без очков глаза его казались странно маленькими.

– Судя по комплекции его телохранителей, сэр, думаю, вы не ошиблись, предположив, что майор направляется вовсе не в отпуск.

– Вряд ли у Доусона бывает отпуск, – хмыкнул я. – Сомневаюсь, что он вообще спит.

– Считаете, его появление здесь имеет отношение к убийству ювраджа?

– Возможно, хотя если он здесь официально, то почему в гражданском? И почему смылся так стремительно?

– Может, он тут по другому поводу. Может, отслеживает террористов?

Я взвесил такую вероятность. Вокзал Ховрах – главные ворота города. Большинство прибывающих в Калькутту неизбежно проходят через него.

– Не исключено, что и так, – согласился я. – Тогда должна быть очень веская причина переодеться в *муфти*⁴¹. Он все же не простой оперативник.

Снаружи донесся паровозный свисток. Я посмотрел на часы. Ровно десять ноль-ноль. Несокрушим надел очки.

– Ты случайно не видел там мисс Грант? – спросил я.

Вопрос поставил его в тупик.

– Вообще-то я не присматривался, сэр.

– Да, конечно, – небрежно бросил я, но живот свело, когда я понял, что Энни не пришла. Я сказал себе, что так оно, пожалуй, и к лучшему, я смогу сосредоточиться на деле и не буду отвлекаться, но все равно пилюля оказалась горькой.

С мягким толчком поезд тронулся, выполз со станции и скользнул в ночь мимо грузовых терминалов и мокнувших под дождем домишек Ховраха.

– Если это все, сэр... – нерешительно заерзал Несокрушим, – я бы пошел к себе.

Меня это устраивало. Нужно было подумать, осмыслить появление Доусона, впрочем, остаться одному мне хотелось не только поэтому. Договорившись встретиться через час и раздобыть какой-нибудь ужин, мы попрощались с сержантом, и я запер дверь купе.

Сразу стало очень тихо. Я достал чемодан, положил его на кровать. Щелкнув замками, отодвинул рубашки, прикрывавшие лакированную деревянную шкатулку, инкрустированную слоновой костью. Выточенная из красного дерева, она запиралась на серебряный замок в форме головы дракона. Серебряная ручка была выполнена в том же стиле. Изящная вещь, и я с минуту любовался ею. Но красота – ничто по сравнению с ее содержимым.

Выудив из кармана маленький серебряный ключ, я вставил его в замок и повернул. Механизм тихонько щелкнул, и вдоль позвоночника у меня пробежал холодок. Я поднял крышку: лампа, глиняная трубка, набор тонких игл и инструментов и, конечно, короткая бамбуковая опиумная трубка с резным фарфоровым мундштуком. Все плотно уложено на красной бархатной подкладке. Дорожный опиумный набор, я влюбился в него, едва увидев в антикварной лавке возле Парк-стрит. Я сразу понял, что мне это нужно, просто потому что никогда раньше такого не видел. И никогда не задумывался, как буду использовать – вплоть до того момента, пока не нашел шарик сырого опиума среди вещей мертвого ассасина. Даже сейчас я не до конца понимал, зачем потащил эту штуку с собой. Я ведь никогда сам не готовил опиумную

⁴¹ Муфти (*хинди*) – гражданская одежда, которую носят те, кто обычно надевает форму.

трубку. Это сложное дело, требующее специальных умений и практики, а уж в поезде, на полном ходу, я точно с ним не справлюсь. Да и вообще тащить это с собой было рискованной затеей. Что, если чемодан сломается и содержимое случайно вывалится наружу? Компрометирующая деталь для офицера полиции, даже если формально он в отпуске.

Я признался себе, что сунул шкатулку в чемодан, потому что не мог смириться с мыслью о расставании с ней. Признание ошеломило меня, как удар в лицо. Я стремительно захлопнул шкатулку, прикрыл ее одеждой, достал свежую рубашку, брюки и полупустую бутылку «Глен-фарклас», которую прихватил на всякий случай.

Сменив промокшую одежду, я налил виски в хрустальный стакан. Устроился в кресле, сделал глоток. За окном все так же хлестал дождь, временами мелькали огоньки селений, мимо которых проплывал поезд.

Это мое первое посещение настоящего индийского княжества. Да вообще первое настоящее путешествие по Индии. Начало оказалось вполне пристойным, и, если судить по поезду, Самбалпур представлялся местом, к которому я вполне мог бы привыкнуть. И все же мне было не по себе. Отсутствие Энни испортило настроение, и, что важнее, меня нервировало появление на сцене майора Доусона. Я не мог отделаться от чувства, что оно каким-то образом связано с убийством ювраджа. С тех пор как мы получили предупреждающие послания, адресованные Адире, я уверился, что след ведет в Самбалпур. Но присутствие Доусона предполагало и другой вариант: что в деле как-то замешано подразделение «Эйч». В конце концов, вступление Самбалпура в Палату князей было центральной частью планов вице-короля. Возможно ли, чтобы некто в Индийском офисе⁴² санкционировал устранение принца, рассчитывая, что его преемник окажется более покладистым и уступит пожеланиям вице-короля?

Когда эта идея улеглась в голове, внутри у меня все сжалось. Политическое убийство принца – не такое дело, которое совершается наобум. Если за ним стоит подразделение «Эйч», попытка добиться правды станет не только опасной затеей, но и практически обреченной на провал. Хуже того, если здесь замешано «Эйч», то, направляясь в этом поезде в Самбалпур, я скорее удаляюсь от ответов на вопросы, чем приближаюсь к ним.

Я отхлебнул еще виски и смотрел, как ночь за окном проносится мимо. Мысли вернулись к предупреждающим запискам. Они написаны на ория и доставлены принцу напрямую во дворец. Даже если заговор организован британцами, некто, знающий местный язык, был осведомлен достаточно, чтобы попытаться предупредить Адире, и есть вероятность, что этот некто все еще в Самбалпуре. И разыскать его – задача номер один.

* * *

Час спустя ко мне постучался Несокрушим. В смокинге и лакированных туфлях, сиявших так, что вполне могли затмить огонь маяка.

– Собрался в оперу? – поинтересовался я.

– Я думал, вы хотели навестить в вагон-ресторан, сэр, – удивился он.

– Ну да, но мы же не на правительственный обед приглашены.

– Это правительственный поезд, – пожал плечами Несокрушим. – Прикажете переодеться?

– Не надо, – вздохнул я. – Пойдем уже. Я проголодался.

Сержант открыл дверь в конце коридора. Дождь лил стеной, и с крыши срывался поток прямо на площадку между вагонами. Я быстро перепрыгнул опасное пространство и влетел в следующую дверь.

⁴² Индийский офис (*India Office*, Министерство по делам Индии) – государственный орган, занимавшийся управлением подконтрольными Британии территориями в Индии, Китае, Центральной Азии и в Персидском заливе.

Центральное место в вагоне-гостиной занимал бар с зеркальной стеной и большой черной «Стейнвей», на котором никто не играл. Перед ним тут и там стояли с дюжину кресел зеленой кожи и полированные столики с инкрустацией слоновой костью. За одним из таких столов сидели Даве и седовласый европеец – судя по покрою смокинга, англичанин. На вид ему было около шестидесяти; лицо фельдмаршала и манеры банкира. Он окинул меня ледяным взглядом, так, наверное, доктор смотрит на язвы прокаженного, и вернулся к беседе, не обращая более внимания, как мы с Несокрушимом проходим по салону.

* * *

Стены в вагоне-ресторане были обшиты панелями темного дерева, а тяжелые бархатные занавеси на окнах удерживались золотыми шнурами. В зале было пусто, если не считать официанта, раскладывавшего приборы, и полковника Ароры, который сидел за одним из полудюжины столов, застеленных белоснежной скатертью, в компании такой же одинокой орхидеи. Арора с застывшим лицом смотрел в окно, в непроницаемую тьму за стеклом. Похоже, мысли его были не из приятных. По моему опыту, это совсем неплохо. Много можно узнать о человеке, захватив его врасплох, когда он погружен в самокопания.

– Полковник, – окликнул я его.

Он резко обернулся, и на миг в глазах его отчетливо вспыхнула злоба. Я не отвел взгляда, стараясь уловить смысл этой эмоции. Он, должно быть, понял это, и лицо тут же разгладилось – взнуздал чувства.

– Капитан, сержант, – учтиво кивнул он.

– Не возражаете, если мы составим вам компанию?

– Ну конечно, прошу вас.

Приборы деликатно звякнули, когда поезд чуть качнуло на стрелке. Официант оторвался от полирования серебра, подошел к нам.

– Могу я предложить аперитив?

Отказаться было бы невежливо.

Официант вернулся с двумя бокалами шампанского на серебряном подносе.

– Думаю, пришло время ужина, – взглянул на часы Арора. Обернулся к официанту: – Что у нас сегодня?

– Суп из зеленого горошка с мятой, жаркое из дикого кабана и на десерт – итон месс⁴³.

– Отлично, отлично.

Для специального поезда индийского королевского семейства меню звучало откровенно по-английски.

Официант отошел, и я обратился к полковнику:

– Кто этот англичанин, разговаривающий с Даве в салоне?

– Это сэр Эрнест Фитцморис, член совета директоров Англо-Индийской алмазной компании и, как он утверждает, верный друг королевства Самбалпур. У нас долгие и плодотворные отношения с Англо-Индийской компанией, – продолжал он. – Они покупают почти девяносто процентов производимых нами бриллиантов. Когда Ост-Индская компания пыталась задушить нас экономически и подчинить себе, именно Англо-Индийская алмазная нарушила эмбарго, вывозя контрабандой наш товар, в то время как прочие компании отказывались иметь с нами дело. Именно Англо-Индийскими деньгами оплачены школы и больницы Самбалпура, не говоря уже об автомобилях махараджи.

И вино, вероятно, тоже, подумал я, оценив отличное «Гран каберне фран», которое подали к мясу, и бархатистый «Жюрансон» к десерту. Беседа получилась сердечной, полков-

⁴³ «Итонская путаница» – смесь из ягод и сбитых сливок.

ник сыпал рассказами из истории Самбалпура и борьбы его правителей с вторжением Моголов. Наконец мы встали, намереваясь вернуться к себе.

– Не рассчитывайте на долгий сон, капитан, – предупредил Арора. – Скоро Джарсугудах, где нам придется делать пересадку.

– Королевский поезд Самбалпура не идет до Самбалпура? – изумился я.

– Это невозможно, – ответил полковник. – Вы, британцы, не позволяете прокладывать широкую железнодорожную колею в национальных княжествах. Индийский офис боится, что мы сможем перебрасывать по железной дороге войска и тяжелое вооружение, которое будет использовано против вас.

– Какая глупость.

– Совершенно верно. Но тем не менее это факт. Поэтому в Джарсугудах мы пересядем в другой королевский поезд, идущий по узкоколейке, и он-то преодолеет последние пятьдесят миль до Самбалпура.

* * *

И точно, два часа спустя поезд затормозил у огороженного перрона на станции Джарсугудах, я вышел в душливую влажную ночь. Дождя, впрочем, не было, и рельсы выглядели сухими. Похоже, мы обогнали муссон.

Поезд, который вез нас до Самбалпура, оказался миниатюрной копией того, что мы только что покинули; и садились мы в него без всяких церемоний и фанфар. Гвардейцы выгрузили гроб с телом ювраджа, пронесли по перрону и поместили в головной вагон, подготовив принца к финальному этапу возвращения домой.

Одиннадцать

Воскресенье 20 июня 1920 года

Я оставил попытки уснуть в тот момент, когда рассветные лучи пробились сквозь жалюзи на окне моего купе. Я видел карту и знал, что наш игрушечный поезд пыхтит по Декану, плоскогорью, которое начиналось от долины Ганга и занимало большую часть Южной Индии. Вагон мягко покачивался, и соблазн лениво валяться в постели одолел бы меня, если бы в дверь не постучал Несокрушим.

– Сэр? Вы проснулись?

Я сполз с банкетки, отщелкнул задвижку и отворил дверь.

– Вот ты где, – вздохнул я.

– А где я, по-вашему, должен быть?

– Что случилось, сержант? – Я взъерошил волосы.

– Полковник Арора говорит, мы прибываем в Самбалпур через час. Я подумал, что заблаговременное уведомление будет к месту.

– Который час? – зевнул я.

– Почти половина шестого.

Я подошел к окну и поднял жалюзи. В утреннем солнечном свете открывался пейзаж, совсем не похожий на Бенгалию. На пространстве в несколько сотен миль изумрудные джунгли уступили место инопланетному ландшафту из высохшего кустарника и пыльной коричневой земли. Чахлые деревья, пролетавшие мимо в утреннем полумраке, корявые и голые, не имели ничего общего с роскошными тропическими пальмами Калькутты.

– Встретимся в вагоне-ресторане? – радостно спросил сержант. – Шеф приготовил традиционный южноиндийский завтрак, *идлис*⁴⁴, и всякую всячину.

Живот у меня свело. У индийцев считается смертным грехом подавать любую еду, даже завтрак, без полуфунта специй. Это все, конечно, замечательно, но бывают моменты, когда англичанину хочется поутру только ломтик поджаренного хлеба и чашку чая.

– Ты иди, – сказал я. – Я, наверное, пропущу завтрак.

Закрыв дверь, я оделся. Снаружи посветлело, отчетливо было видно, как растрескалась высохшая земля. До Калькутты муссон, может, и добрался, но в Ориссе по-прежнему стояла сушь, как в Багдаде летом.

* * *

В четверть седьмого поезд прибыл в Самбалпур, на станцию, которая выглядела так, словно ее перенесли откуда-то из Котсуолда, – стены из золотистого песчаника, шиферные крыши и тишина захолустья. Даже облака были достаточно серыми, чтобы сойти за английские. Только жара индийская.

Поезд вздрогнул и замер. За окном выстроилась шеренга угрюмых военных и суровых официальных лиц. Подхватив чемодан, я двинулся по узкому коридору, встретившись по пути с Несокрушимом в полной парадной форме. Мы спустились на платформу как раз вовремя, чтобы увидеть, как строй гвардейцев входит в вагон, в котором перевозили гроб.

Рядом стоял Даве, с ним тот англичанин, Фитцморис. Оба наблюдали, как гроб водрузили на плечи гвардейцев. Полковник Арора держался в стороне и отсалютовал, когда тело его бывшего шефа понесли по платформе к зданию вокзала. Там, за деревянным барьером,

⁴⁴ Рисовые клецки, приготовленные на пару.

в толпе местных жителей стоял бледный темноволосый человек, пристально изучавший лица всех, выходявших из поезда. По комплекции и по одежде в нем легко было определить британца: визитка, галстук и брюки в полоску – практически униформа Форин-офиса⁴⁵. Заприметив форму Несокрушима, он оживился и ринулся к нему.

– Вы, должно быть, сержант Банерджи, – довольно сухо произнес он, протягивая руку.

– Верно, – пожал руку Несокрушим. – И позвольте представить капитана Уиндема, он тоже служит в королевской полиции.

Облачко смущения скользнуло по лицу человека в визитке.

– Простите? В телеграмме сообщалось только о вашем прибытии. О британском офицере не было никаких упоминаний. Должно быть, произошла какая-то ошибка.

– Никакой ошибки, – вмешался я. – Я здесь как частное лицо. Прибыл отдать дань уважения. Это создает какие-то проблемы?

Он оглядел меня с головы до ног, провел рукой по волосам.

– Нет-нет. Вовсе нет, – ответил он с поспешностью, предполагавшей обратное. – Очень приятно. Меня зовут Кармайкл. Я здешний дипломатический представитель. Представитель Его Величества при дворе Самбалпура.

– Вы посол? – уточнил Несокрушим.

– О, не так солидно.

– Тем не менее, – продолжал сержант, – очень любезно с вашей стороны лично встретить нас.

– Не особенно. На самом деле больше никого нет.

Толпа в здании вокзала молча расступилась, и гроб с телом ювраджа пронесли к катафалку. Громкий стон – такой звук издает раненое животное – донесся с улицы. Казалось, половина Самбалпура явилась сюда встречать мертвого принца.

– Нам лучше подождать, пока все уляжется, – сказал Кармайкл. – До резиденции недалеко, но дороги запружены. Движение здесь чудовищное. Если сегодня творится такое, боюсь представить, сколько народу явится завтра на похороны.

– Значит, он был популярен? – спросил я.

– О боже, да. Как и все члены королевской семьи. Их почитают как богов. Весь город сейчас потрясен. – Он огляделся. – Послушайте, вон там чайный прилавок. Как насчет чашечки чая, пока ждем?

Он начал пробираться сквозь толчею. Прилавок представлял собой деревянную доску, установленную поверх чего-то, похожего на два приваренных друг к другу велосипеда и задрапированного оранжевыми гирляндами календулы. Прилавок был выкрашен в голубой цвет, на нем стояла стопка маленьких глиняных чашек и валялись несколько металлических ложечек. Сбоку на импровизированной кирпичной печке нагревался помятый медный чайник с длинным изогнутым носиком, рядом стоял *чай-валла*⁴⁶, морщинистый старик-индус в красном тюрбане. Он держал в руках почти такой же по размеру горшок и деловито переливал кипящий карамельного цвета напиток из одного сосуда в другой.

– *Тиин чай*⁴⁷, – громко заказал Кармайкл, для наглядности подняв вверх три пальца.

Старик кивнул, извлек из стопки глиняных чашек три штуки, аккуратно расставил в ряд и наполнил идеально ровно.

Кармайкл заплатил чай-валла, и тот бережно, будто Святой Грааль, протянул нам чашки. Я осторожно отхлебнул, одновременно отметив, что Даве и Фитцморис вышли со станции и сели в ожидавший их «роллс-ройс».

⁴⁵ Министерство иностранных дел Великобритании.

⁴⁶ Чай-валла (*хинди*) – уличный торговец чаем.

⁴⁷ Хочу три (*бенг.*).

– Этот тип, Фитцморис, – спросил я резидента, – вы его знаете?

– Да, конечно, – кивнул Кармайкл, торопливо проглотив свой чай. – Встречался с ним несколько раз. Сэр Эрнест очень приятный джентльмен.

– Он живет не в резиденции?

– Сейчас нет, – ответил Кармайкл. – Последние несколько раз он останавливался во дворце в качестве гостя махараджи.

– То есть он часто сюда приезжает? – уточнил Банерджи.

– О да, довольно часто. По крайней мере, в последнее время. Прежде являлся раз в год на традиционную охоту махараджи. Грандиозное событие, надо сказать. Сам вице-король иногда посещает ее. В прошлом году добыли полдюжины тигров, пару черных леопардов и бог весть сколько газелей.

– А в последнее время?

– В каком смысле?

– Вы сказали, что в последнее время сэр Эрнест приезжает чаще?

– Верно. За последние полгода был здесь уже несколько раз.

– Не догадываетесь почему?

Кармайкл задумался.

– Боюсь, я не вправе об этом говорить. Конфиденциальная информация, понимаете?

– Ну, если он навещается сюда не просто проветриться, – сказал я, – тогда, полагаю, это имеет отношение к алмазам.

– Вы весьма проницательны, – усмехнулся Кармайкл.

Для таких выводов не нужно быть Шерлоком Холмсом. Он директор алмазной компании, а в королевстве Самбалпур алмазов больше, чем в пещере Али-Бабы и его сорока разбойников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.